

The background of the cover is a painting. It depicts a large, dark, wind-swept tree with a thick trunk and a wide, flat canopy. The tree is set in a landscape with a hazy, golden-brown sky. In the foreground, there are several figures and objects. One figure is seated on a rock, and another is standing nearby. There are also some fruit-like objects scattered on the ground. The overall style is that of a classical or romantic painting.

ЗОЛОТАЯ ВЕТВЬ

ИССЛЕДОВАНИЕ МАГИИ И РЕЛИГИИ

ДЖЕЙМС ДЖОРДЖ ФРЭЗЕР

Джеймс Фрэзер

**Золотая ветвь. Исследование
магии и религии**

«Азбука-Аттикус»

1890

УДК 1/14
ББК 86

Фрэзер Д. Д.

Золотая ветвь. Исследование магии и религии / Д. Д. Фрэзер —
«Азбука-Аттикус», 1890

ISBN 978-5-389-14736-2

«Золотая ветвь» известного английского религиоведа и этнолога Джеймса Фрэзера (1854-1941) принадлежит к числу тех фундаментальных исследований, которые составляют непреходящую ценность для многих поколений ученых. Посвятив жизнь изучению фольклористики и истории религии, Дж. Фрэзер собрал огромный фактический материал, позволивший ему с помощью сравнительно-исторического метода показать связь между современными религиями и первобытными верованиями, выявить земные истоки религиозного миропонимания. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 1/14

ББК 86

ISBN 978-5-389-14736-2

© Фрэзер Д. Д., 1890
© Азбука-Аттикус, 1890

Содержание

Из предисловия автора к сокращенному изданию «Золотой ветви»	6
Глава I. Диана и Вирбий	7
Глава II. Цари-жрецы	14
Глава III. Симпатическая магия	16
Глава IV. Магия и религия	44
Глава V. Магический контроль над погодой	53
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Джеймс Фрэзер

Золотая ветвь. Исследование магии и религии

J. G. Frazer

The Golden Bough: A Study in Magic and Religion

© Рыклин М. К., перевод на русский язык, 2011

© Токарев С. А., наследники, послесловие и комментарии, 1980

© Издание на русском языке, оформление ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2018

КоЛибри®

* * *

Из предисловия автора к сокращенному изданию «Золотой ветви»

Основной целью настоящей книги является объяснение любопытного правила, которое определяло порядок наследования должности жреца Дианы в Ариции. Впервые приступив к изучению этой проблемы более тридцати лет тому назад, я полагал, что решение может быть найдено очень быстро. Однако вскоре обнаружилось, что для того, чтобы найти правдоподобное (и даже просто понятное) решение, необходимо обсудить ряд более общих вопросов, часть которых ранее практически не поднималась. В последующих изданиях обсуждение этих и близких к ним вопросов занимало все больше места, исследование разрасталось во многих направлениях до тех пор, пока два первоначальных тома не превратились в двенадцать. За это время читатели часто высказывали пожелание переиздать «Золотую ветвь» в более сжатой форме. Выход в свет данного сокращенного издания продиктован стремлением удовлетворить это пожелание и сделать книгу доступной более широкому кругу читателей. Хотя объем книги был значительно сокращен, я постарался сохранить в неприкосновенности основные ее идеи и привести для их иллюстрации достаточное количество примеров. Несмотря на сжатость изложения, большей частью был сохранен и язык полного издания. Чтобы вместить возможно больший объем текста, я пожертвовал примечаниями и точными ссылками на источники. Поэтому для проверки источника того или иного высказывания читатели должны обращаться к полному изданию, снабженному подробной библиографией.

В сокращенном издании я не вводил новый материал и не изменял взглядов, высказанных в последнем, полном, издании. В целом данные, с которыми мне удалось познакомиться за это время, либо подтверждали мои выводы, либо по-новому иллюстрировали старые положения...

Является ли моя теория верной или от нее следует отказаться, покажет будущее. Я всегда готов отказаться от нее в пользу лучшей теории. Предоставляя новый вариант книги на суд публики, мне хотелось бы предостеречь против неверного понимания ее задачи, которое продолжает иметь место, несмотря на то что в прошлом я уже выступал против него. Если я в данной работе подробно останавливаюсь на культе деревьев, то это происходит не потому, что я преувеличиваю его значение в истории религии, и еще менее потому, что я вывожу из него всю мифологию. Просто, стремясь объяснить смысл должности жреца, носившего титул Царя Леса, я не мог обойти молчанием этот культ. Ведь в обязанности этого жреца входило срывать Золотую ветвь – ветвь с дерева в священной роще. Но я далек от того, чтобы приписывать поклонению деревьям первостепенное значение в развитии религиозного сознания, и, в частности, считаю его подчиненным страху перед покойниками, который представляется мне самым мощным фактором в формировании первобытной религии. Надеюсь, что теперь меня не будут обвинять в том, что я являюсь сторонником мифологии, которую я считаю не просто ложной, но нелепой и абсурдной. Однако я слишком близко знаком с гидрой заблуждения, чтобы, отрубая одну из ее голов, рассчитывать на то, что смогу предотвратить рост другой (или даже той же самой) головы. Тем не менее я верю в искренность и ум своих читателей: пусть же они исправят это серьезное заблуждение.

Джеймс Джордж Фрэзер
Лондон, июнь 1922

Глава I. Диана и Вирбий

Кто не видел картину Тёрнера «Золотая ветвь»? Пейзаж, залитый золотистым свечением грёзы, в которую погрузился божественный дух Тёрнера, преобразивший прекраснейший из природных ландшафтов, увиденное в порыве вдохновения небольшое лесное озеро Неми, «зеркало Дианы», как называли его древние. Незабываема спокойная водная гладь, окаймленная зеленой цепью Альбанских гор. Уединенность местности не нарушается двумя типично итальянскими деревеньками, погруженными в дрему на берегу озера, и дворцом – также в итальянском стиле – с садами, которые резкими уступами спускаются к озеру. Кажется, будто Диана не захотела оставить этот одинокий берег и продолжает обитать в лесной чаще!

В древности на фоне этого лесного пейзажа неоднократно разыгрывалось одно и то же странное и трагическое событие. На северном берегу озера, прямо под отвесными утесами, к которым притулилась деревушка Неми, находились священная роща и святилище Немийской, или Лесной, Дианы. Озеро и роща были известны тогда под названием Арицийских. Но город Ариция (теперь он называется Ла-Ричча) был расположен почти в пяти километрах отсюда, у подножия Альбанской горы, и отделен крутым спуском от озера, находящегося в небольшой воронкообразной впадине на склоне горы. В священной роще росло дерево, и вокруг него весь день до глубокой ночи крадущейся походкой ходила мрачная фигура человека. Он держал в руке обнаженный меч и внимательно оглядывался вокруг, как будто в любой момент ожидал нападения врага. Это был убийца-жрец, а тот, кого он дожидался, должен был рано или поздно тоже убить его и занять его место. Таков был закон святилища. Претендент на место жреца мог добиться его только одним способом – убив своего предшественника, и удерживал он эту должность до тех пор, пока его не убивал более сильный и ловкий конкурент.

Должность эта, обладание которой было столь зыбким, приносила с собой царский титул. Но ни одна коронованная особа не была мучима более мрачными мыслями, чем Немийский жрец. Из года в год зимой и летом, в хорошую и плохую погоду, нес он свою одинокую вахту и только с риском для жизни урывками погружался в беспокойную дрему. Малейшее ослабление бдительности, проявление телесной немощи и утрата искусства владеть мечом ставили его жизнь под угрозу: седина означала для него смертный приговор. От одного его вида прелестный пейзаж мерк в глазах кротких и набожных паломников. С суровой и зловещей фигурой Немийского жреца плохо сочетались мечтательная голубизна итальянского неба, игра светотени в летних лесах и блеск волн на солнце.

Давайте лучше вообразим себе немийский пейзаж, каким он мог предстать перед запоздалым путником в одну из тех бурных осенних ночей, когда густым дождем падают увядшие листья и ветер поет погребальную песнь уходящему году. Какая мрачная картина, положенная на меланхолическую музыку! На заднем плане темнеет растерзанный лес на фоне низкого, затянутого тучами неба, вздохи ветра в ветвях, шелест увядших листьев под ногами да плеск холодной воды о берег. А на переднем плане в сумерках темная фигура человека, ходящего взад и вперед; и когда, выплыв из бегущего облака, бледная луна всматривается в него сквозь оплетенные ветви, на плече его ярко вспыхивает сталь.

Закон наследования титула жреца в Неми не имеет параллелей в классической древности. Для того чтобы найти ему объяснение, следует заглянуть дальше в глубь веков. Никто, видимо, не станет отрицать, что подобный обычай отдает варварской эпохой и, подобно первобытному утесу на гладко подстриженной лужайке, в совершенном одиночестве возвышается посреди изысканного итальянского общества времен Империи. Но именно грубый, варварский характер этого обычая вселяет в нас надежду на его объяснение. Исследования в области древнейшей истории человечества обнаружили, что при множестве поверхностных различий первые грубые философские системы, выработанные человеческим разумом, сходны в своих существенных

чертах. Следовательно, если мы сможем доказать, что такой варварский обычай, как наследование титула жреца в Неми, существовал в других обществах, если нам удастся раскрыть причины существования подобного института и доказать, что одни и те же причины действовали в большинстве (если не во всех) человеческих обществах, при различных обстоятельствах пробуждая к жизни множество различающихся в деталях, но в целом сходных институтов, наконец, если нам удастся продемонстрировать, что те же самые причины, вместе с производными от них институтами, на самом деле действовали и в классической древности, – тогда мы сможем по праву заключить, что в более отдаленную эпоху те же причины породили правила преемственности жречества в Неми. За недостатком прямых сведений о том, как этот институт возник, наши заключения никогда не достигнут статуса доказательства, но они будут более или менее вероятными в зависимости от полноты, с какой удастся выполнить указанные условия. Предложить достаточно вероятное объяснение института жрецов в Неми, удовлетворяющее этим условиям, – вот цель данной книги.

Начнем с изложения тех немногих фактов и преданий по этому поводу, которые до нас дошли. Согласно одному из таких преданий, культ Дианы Немийской был учрежден Орестом, который, убив Фаоса, царя Херсонеса Таврического, бежал с сестрой в Италию; в связке веток он привез с собой изображение Дианы Таврической¹. После смерти его останки были перевезены из Ариции в Рим и захоронены на склоне Капитолийского холма перед храмом Сатурна (рядом с храмом Согласия). Знаатокам древности знаком кровавый ритуал, который предание связывает с Дианой Таврической. Оно гласит: каждый чужестранец, который высаживается на берег, приносится в жертву на ее алтаре. Впрочем, будучи перенесен на итальянскую почву, этот ритуал вылился в более мягкую форму. В немийском святилище произрастало некое дерево, и с него не могла быть сорвана ни единая ветвь. Лишь беглому рабу, если ему это удастся, позволялось сломать одну из ветвей. В случае удачи ему предоставлялось право сразиться в единоборстве со жрецом и при условии победы занять его место и унаследовать титул Царя Леса (*Rex Nemorensis*).

По общему мнению древних, этой роковой веткой была та самая Золотая ветвь, которую Эней по наущению Сибиллы сорвал перед тем, как предпринять опасное путешествие в страну мертвых. Бегство раба символизировало, по преданию, бегство Ореста, а его поединок со жрецом был отголоском человеческих жертвоприношений, когда-то приносившихся Диане Таврической. Закон наследования по праву меча соблюдался вплоть до имперских времен. Среди прочих выходок Калигулы² была такая: решив, что жрец Неми оставался на своем посту слишком долго, он нанял для его убийства дюжего головореза. Кроме того, греческий путешественник, посетивший Италию в эпоху Антонинов (I–II вв.), писал, что наследование титула жреца по-прежнему добывается победой в поединке.

Основные черты культа Дианы в Неми еще подлежат выявлению. Из обнаруженных там остатков жертвоприношений явствует, что древние считали ее, во-первых, охотницей, во-вторых, благословляющей людей потомством, в-третьих, дарующей женщинам легкие роды. Огонь, по-видимому, играл в ее культе особо важную роль. Во время ежегодного праздника, посвященного Диане и приходившегося на самое жаркое время года (13 августа), ее роща озарялась светом многочисленных факелов, ярко-красный отблеск которых ложился на поверхности озера. В этот день по всей Италии у каждого домашнего очага свершались священные обряды. Сама богиня изображена на найденных в пределах святилища бронзовых статуэтках держащей факел в поднятой правой руке. Выполняя данные обеты, женщины, молитвы которых были услышаны Дианой, приходили в святилище украшенные венками, с зажженными

¹ В Тавриде был греческий храм Артемиды. Но римляне отождествляли греческую Артемиду с итальянской Дианой, и эта замена имен нередко встречается в новой европейской литературе. – *Здесь и далее, если не указано иное, примечание С. А. Токарева.*

² Калигула Гай Юлий Цезарь (12–41) – римский император (с 37).

факелами. Неизвестный римлянин зажег неугасимую лампаду в небольшой гробнице в Неми во здравие императора Клавдия и его семьи. Найденные в роще светильники из обожженной глины, возможно, служили той же цели в отношении простых смертных. Если это так, то аналогия между этим обычаем и обычаем католиков ставить освященные свечи в церквях очевидна. Кроме того, титул Весты, носимый Дианой Немийской, явно свидетельствует о том, что в ее святилище постоянно поддерживался священный огонь. Большой, круглой формы фундамент в северо-восточном приделе храма, приподнятый на три ступени, сохранивший следы мозаики, служил, вероятно, основанием круглого храма Дианы-Весты, аналогичного храму Весты на Форуме. По всей вероятности, священный огонь поддерживался здесь девственными весталками; на месте Немийского храма была найдена статуя весталки из обожженной глины. Кроме того, обычай поклонения неугасимому огню, поддерживаемому девами-весталками, был распространен в Лации с древнейших времен. Во время ежегодного празднества в честь богини увенчивали венками охотничьих собак и не трогали диких зверей. Молодые люди совершали в ее честь очистительные обряды. Приносилось вино и устраивалось пиршество из мяса козлят, горячих лепешек, подаваемых на листьях, и яблок, сорванных вместе с ветками.

Но в роще близ Неми Диана царила не одна. Ее святилище разделяли с ней два божества более низкого ранга. Одним из них была Эгерия, нимфа светлой речки, которая, разбиваясь в брызги о базальтовые скалы, ниспадала изящным каскадом в озеро неподалеку от местечка Ле-Моле (названного так потому, что там теперь находятся мельницы деревни Неми). Журчание бегущего по гальке потока упоминается Овидием, который, по его собственному признанию, часто пил из него воду. Беременные женщины приносили жертвы Эгерии, потому что, подобно Диане, она считалась способной даровать легкие роды. Бытовало предание, что эта нимфа была женой или возлюбленной мудрого царя Нумы и что плодом его общения с этой богиней были данные им римлянам законы. Плутарх сравнивает это предание с другими рассказами о любви богинь к смертным, такими как любовь Кибелы и Луны к прекрасным юношам Аттису и Эндимиону.

По другим источникам, местом свиданий влюбленных были не Немийские леса, а роща неподалеку от грота у Капенских ворот близ Рима, где из темной пещеры бил еще один святой источник, посвященный Эгерии. Ежедневно римские весталки брали из этого источника воду для мытья храма Весты, перенося ее на голове в глиняном кувшине. Во времена Ювенала грот был выложен мрамором, и это освященное место осквернялось группами бедных иудеев, которые, как цыгане, вынуждены были располагаться на ночлег в роще. Можно предположить, что поток, впадающий в озеро Неми, – это и была первоначально сама Эгерия и что, когда первые поселенцы пришли с Альбанских холмов на берега Тибра, они принесли с собой культ этой нимфы и нашли для нее новое жилище в роще за воротами Рима. Остатки купален, обнаруженные на земле святилища, и множество слепков различных частей человеческого тела, сделанных из обожженной глины, наводят на мысль о том, что вода источника Эгерии использовалась для лечения больных. В соответствии с обычаем, который до сих пор соблюдался во многих частях Европы, больные в знак надежды на исцеление или благодарности посвящали богине слепки больных частей тела. Уверяют, что источник поныне сохранил свои лечебные свойства.

Другим немийским божеством более низкого ранга был Вирбий. Предание гласит, что Вирбием был не кто иной, как юный греческий герой Ипполит, целомудренный и прекрасный. Он научился охотничьему искусству от кентавра Хирона и проводил целые дни, охотясь на диких зверей в чаще леса. Его единственной спутницей была девственная охотница – богиня Артемида (греческий двойник Дианы). Возгораясь своей божественной спутницей, он с презрением отвергал любовь смертных женщин, и это его погубило. Уязвленная его презрением к любви, Афродита возбудила любовь к Ипполиту в его мачехе Федре. Когда Ипполит отверг безнравственные ухаживания мачехи, она оклеветала его перед его отцом Тезеем. Поверив в клевету, Тезей обратился к своему отцу Посейдону с мольбой об отмщении. И когда Иппо-

лит мчался на колеснице по берегу Саронического залива, морской бог выгнал на поверхность воды свирепого быка. Испуганные лошади понесли, и, выброшенный из колесницы, Ипполит нашел смерть под их копытами. Но из любви к Ипполиту Диана упростила лекаря Эскулапа возвратить прекрасного юношу-охотника к жизни при помощи целебных трав. Разгневанный тем, что смертный муж вышел из врат смерти, Юпитер низверг врача в Аид³. Все же Диана сумела скрыть своего любимца от глаз разъяренного бога густым облаком, изменила его черты, заставила выглядеть старше, а затем перенесла к лесистым немийским ложбинам, вверив его заботам нимфы Эгерии. Безвестный и одинокий, жил он в глубине италийского леса под именем Вирбия. Он правил там как царь и посвятил рощу Диане. У него был прекрасный сын, тоже Вирбий, который, не уstraшившись участи отца, погнал упряжку горячих скакунов, чтобы при-мкнуть к латинянам в войне против Энея и троянцев.

Вирбию поклонялись не только в Неми, но и в других местах: имеются сведения о том, что в Кампаны у Вирбия был даже свой жрец. В Арицийскую рощу и святилище не допускались лошади, так как они погубили Ипполита. К его статуе запрещалось прикасаться. Некоторые полагали, что Ипполит – олицетворение солнца. «Но верно то, – утверждает Сервий, – что он был божеством, связанным с Дианой столь же тесными узами, как Аттис с Матерью Богов, Эриктоний с Минервой, а Адонис с Венерой». Какого же рода были эти узы? Для начала заметим, что на всем протяжении своего длинного и извилистого пути этот мифический персонаж проявил поразительную живучесть. Едва ли можно усомниться в том, что Ипполит, святой римского календаря, которого несут лошади и который находит смерть 13 августа, в день праздника Дианы, есть не кто иной, как тот же греческий герой. Дважды найдя смерть в качестве язычника, он счастливо воскрес в ипостаси христианского святого.

Для того чтобы убедиться в том, что предания, объясняющие происхождение культа Дианы Немийской, не историчны, нет нужды в скрупулезном доказательстве. Они явно принадлежат к разряду распространенных мифов, которые измышляются с целью объяснить происхождение того или иного религиозного культа. Причем это делается с помощью реального или воображаемого сходства, которое позволяет возвести его к какому-то иностранному культу. Действительно, немийские мифы явно не вяжутся друг с другом, потому что учреждение культа возводится то к Оресту, то к Ипполиту (в зависимости от того, какая черта его объясняется). Подлинная ценность этих преданий заключается в том, что они наглядно иллюстрируют сущность данного культа. Кроме того, они косвенно свидетельствуют в пользу почтенного возраста культа, показывая, что он уходит своими корнями в туман мифической древности. В этом отношении немийские легенды более достойны доверия, чем псевдоисторическое предание, подкрепленное авторитетом Катона Старшего, согласно которому священная роща была посвящена Диане неким латинским диктатором Бебием (или Левием) из Тускулума от лица народов Тускулума, Ариции, Ланувима, Лаурентума, Кору, Тибура, Помеции и Ардеи.

Это предание говорит в пользу большой древности святилища, так как его основание датируется временем до 495 года до н. э., то есть года, когда Помеция была разграблена римлянами и исчезла с лица земли. Но мы не можем допустить, чтобы столь варварский институт, как наследование жречества в Ариции, был намеренно учрежден союзом цивилизованных городов, каковыми, без сомнения, являлись города Лациума. Оно, должно быть, передавалось по наследству с незапамятных времен, когда доисторическая Италия еще находилась в состоянии дикости. Правдивость этого предания ставит под сомнение другое предание, которое приписывает заслугу основания святилища Манию Эгерию, которому обязана своим существованием поговорка «В Ариции много Маниев». Некоторые авторы объясняют эту поговорку ссылкой на то, что Маний Эгерий был предком древнего и славного рода, тогда как другие полагают, что

³ Здесь автор опять смешивает имена греческих и римских богов: Диана – надо Артемида, Эскулап – надо Асклепий, Юпитер – надо Зевс.

ее смысл сводится к тому, что в Ариции много уродливых, некрасивых людей. Они производят имя Маний от слова *mania*, что значит «бука», или пугало, для детей. Один римский сатирик использовал имя Маний как синоним нищих, которые валяются на склонах Арицийских холмов в ожидании паломников. Подозрение возбуждает и это расхождение мнений, и противоречие между Манием Эгерием и Эгерием Левием из Тускулума, и сходство обоих имен с именем мифической Эгерии. Однако переданное Катонем предание является слишком обстоятельным, а его поручитель – слишком почтенным, чтобы отвергнуть его как пустой вымысел. Лучше предположить, что оно относится к древней перестройке или реставрации святилища, которая была произведена союзными государствами. В любом случае оно свидетельствует в пользу того, что роща Дианы издавна была местом общего поклонения многих древнейших городов Лациума, если не всей Латинской конфедерации.

Артемида и Ипполит

Как мы видим, предания об Оресте и Ипполите, не обладая исторической ценностью, тем не менее не лишены смысла вообще, поскольку они помогают лучше уяснить себе происхождение немийского культа путем его сравнения с культом и мифами других святилищ. Возникает вопрос: почему для объяснения Вирбия и Царя Леса авторы этих легенд обращаются к Оресту и Ипполиту? В отношении Ореста все ясно. Вместе с Дианой Таврической, которую можно умилостивить только человеческой кровью, он понадобился для того, чтобы объяснить кровавое правило наследования жречества в Ариции. В случае с Ипполитом не все так ясно. В истории его гибели можно без труда усмотреть причину запрета вводить лошадей в священную рощу Дианы. Но самого по себе этого едва ли достаточно для объяснения идентификации Ипполита с Вирбием. Поэтому надо глубже рассмотреть культ и миф об Ипполите.

В Трезене Ипполиту было посвящено знаменитое святилище, расположенное на берегу прекрасной, почти закрытой бухты, где ныне плодородная прибрежная полоса у подножия морщинистых гор покрыта апельсиновыми и лимонными рощами, а также и высокими кипарисами, поднимающимися, подобно темным шпилям, над садами Гесперид. На противоположной стороне прозрачной голубой бухты возвышается священный остров Посейдона, и вершины его холмов покрывают темно-зеленые сосны. Таково месторасположение святилища Ипполита. Внутри находился храм со статуей героя. Служба в нем лежала на жреце, удерживавшем за собой эту должность пожизненно. Каждый год в честь героя справлялся праздник с жертвоприношениями, и его безвременная кончина оплакивалась траурным, скорбным пением девушек. Перед вступлением в брак юноши и девушки оставляли в храме пряди своих волос. В Трезене находилась также гробница Ипполита, но жители не показали бы вам ее. Можно с большой долей вероятности предположить, что в лице прекрасного Ипполита, возлюбленного Артемиды, погибшего во цвете лет и ежегодно оплакиваемого молодыми девушками, мы имеем одного из смертных любовников богини, играющих столь заметную роль в религиях древности (самый типичный их представитель – Адонис). Соперничество Артемиды и Федры из-за привязанности Ипполита, как было сказано, воспроизводит соперничество Афродиты и Прозерпины из-за любви Адониса: ведь Федра – это двойник Афродиты. Эта теория отдаст справедливость как Ипполиту, так и Артемиде. Первоначально Артемида была великой богиней плодородия, а по закону ранних религий оплодотворяющая природу и сама должна быть плодородной, а для этого она должна обязательно иметь при себе супруга.

Согласно нашей гипотезе, Ипполит считался в Трезене супругом Артемиды. Назначением же срезанных прядей волос, преподносимых Ипполиту трезенскими юношами и девушками перед вступлением в брак, было содействовать укреплению союза с богиней для увеличения плодородия земли, скота и людей. Этот взгляд находит подтверждение: в трезенском святилище Ипполита совершалось поклонение двум божествам женского пола – Дамии и Ауксезии, связь которых с плодородием неоспорима. Когда Эпидавр страдал от голода, его жители,

подчиняясь указанию оракула, вырезали из священного оливкового дерева и водружали изображения Дамии и Ауксезии, после чего земля снова приносила плоды. Более того, в самом Трезене – а возможно, в святилище Ипполита – в честь этих девушек, как называли их трезенцы, устраивался любопытный праздник с бросанием камней. Легко показать, что подобного рода обычаи практиковались во многих странах с целью получить хороший урожай. Что же касается истории трагической гибели юного Ипполита, то мы можем проследить многочисленные ее аналогии с подобными же историями о красивых смертных юношах, которые заплатили жизнью за краткое наслаждение любовью бессмертных богинь. Эти несчастные, вероятно, не всегда были мифическими персонажами, и предания, которые видели в пурпурном цветке фиалки, в алом пятнышке на анемоне и в малиновом румянце розы пролитую ими кровь, были не просто поэтическими аллегориями юности и красоты, скоротечной, как летние цветы. В них содержалась более глубокая философия соотношения жизни человека и жизни природы, мрачная философия, которая породила не менее мрачную практику. В дальнейшем мы узнаем, какова была эта философия и эта практика.

Резюме

Теперь нам ясно, почему древние отождествили Ипполита, супруга Артемиды, с Вирбием, который, по мнению Сервия, относился к Диане так же, как Адонис – к Венере и Аттис – к Матери Богов. Ведь подобно Артемиде, Диана была богиней плодородия вообще и деторождения в частности и в этом качестве, как и ее греческий двойник, нуждалась в партнере мужского пола. Таким партнером, если верить Сервию, и был Вирбий – основатель священной рощи и первый немийский царь. Вирбий явился мифическим предшественником или прототипом жрецов, которые служили Диане под названием Царей Леса и, как и он, умирали насильственной смертью. Поэтому естественно предположить, что они находились с богиней рощи в тех же отношениях, что и Вирбий, – короче говоря, смертный Царь Леса имел своей царицей саму Лесную Диану. Если охраняемое им ценой жизни дерево служило воплощением Дианы (что представляется вероятным), жрец мог поклоняться ей не просто как богине, но и обнимать ее как супругу. В таком допущении по крайней мере нет ничего абсурдного. Даже в эпоху Плиния один благородный римлянин именно так обращался с прекрасной березой в другой священной роще Дианы на Альбанских холмах. Он обнимал и целовал ее, лежал в ее тени и поливал вином ее ствол. Этот римлянин явно принимал дерево за богиню. Обычай вступления в брак с деревьями до сих пор практикуется мужчинами и женщинами в Индии и других восточных странах. Почему же он не мог иметь места в Древнем Лациуме?

Из приведенных примеров можно заключить, что культ Дианы в священной Немийской роще имел большое значение и уходил своими корнями в незапамятную древность; что Диана почиталась как богиня лесов и диких зверей, а возможно, также домашнего скота и плодов; что древние верили в то, что она дарует мужчинам и женщинам потомство и помогает матерям рожать; что священный огонь Дианы, поддерживаемый целомудренными весталками, постоянно горел в круглом храме святилища; что с ней ассоциировалась водная нимфа Эгерия, которая выполняла одну из функций Дианы (помощь женщинам при родовых схватках) и которая, по народной легенде, сочеталась в священной роще браком с древним римским царем; что Диана Лесная имела спутника мужского пола по имени Вирбий, который относился к ней, как Адонис – к Венере и Аттис – к Кибеле; и наконец, что в историческое время мифический Вирбий был представлен жрецами, Царями Леса. Они погибали от меча своих преемников, и жизнь их была связана со священным деревом в роще. Жрец был гарантирован от нападения лишь до тех пор, пока дерево оставалось нетронутым.

Эти выводы сами по себе, конечно, недостаточны для объяснения правила преемства звания Арицийского жреца. Но, быть может, привлечение более широкого круга данных убедит нас, что они содержат в зародыше решение проблемы. Пустимся же в путешествие по морю

фактов. Оно будет долгим и утомительным, но вместе с тем в нем будет очарование познавательного путешествия, во время которого мы посетим множество странных чужеземных народов с еще более странными обычаями. Снимемся же с якоря, наполним паруса ветром и покинем на время побережье Италии.

Глава II. Цари-жрецы

Следует ответить на два вопроса: во-первых, почему жрец Дианы Немийской, Царь Леса, должен был убивать своего предшественника? Во-вторых, почему перед этим он должен был сорвать с дерева ветвь, которая, по общему мнению древних, была не чем иным, как Золотой ветвью Виргилия?

Прежде всего остановимся на титуле жреца. Почему он назывался Царем Леса? Почему отправляемая им должность именовалась царством?

Соединение царского титула с отправлением жреческих обязанностей было в Древней Италии и Греции обычным делом. В Риме и других городах Лациума был жрец, называвшийся Царем Жертвоприношений или Царем Священных Обрядов, а жена его носила титул Царицы Священных Обрядов. В Афинской республике второе (по значению) из ежегодно избираемых должностных лиц именовалось Царем, а его супруга – Царицей. Оба они исполняли религиозные функции. И другие греческие демократии имели титулованных царей, которые, насколько нам известно, отправляли жреческие обязанности у Центрального Государственного Очага. В некоторых греческих государствах таких царей было несколько, и они занимали должность царя одновременно. В Риме, по преданию, титул Царя Жертвоприношений был учрежден после упразднения царской власти для принесения жертв, которые до того времени приносились царями. Аналогичное предание относительно происхождения института царей-жрецов было, видимо, и в Греции. Это подтверждается примером Спарты, едва ли не единственного чисто греческого государства, сохранившего в историческое время монархическую форму власти. В Спарте все государственные жертвы приносились царями, потомками бога. Один из двух спартанских царей был жрецом Зевса Лакедонского, а другой – Зевса Уранийского.

Это сочетание жреческих функций с царской властью известно повсеместно. Например, местом многих великих религиозных столиц, населенных тысячами священников и управляемых первосвященниками, которые, подобно папам в средневековом Риме, держали в своих руках и светскую, и духовную власть, была Малая Азия. Такими городами, находившимися под властью священников, были Цела и Пессинунт. Тевтонские вожди в языческую эпоху также, по всей видимости, выполняли функции великих жрецов. В Китае публичные жертвоприношения совершались императорами по правилам, предусмотренным ритуальными книгами. На острове Мадагаскар правитель был одновременно и верховным жрецом. На великом празднике Нового года, когда на благо царства приносилась в жертву вол, правитель присутствовал при жертвоприношении, вознося благодарственную молитву в то время, как служители убивали животное. В монархиях Галла в Восточной Африке, которые еще сохраняют свою независимость, царь приносит жертвы на горных вершинах и регулирует принесение человеческих жертв. Такое же соединение светской и духовной власти, царских и жреческих функций засвидетельствовано туманными преданиями о царях той очаровательной страны Центральной Америки, чья древняя столица Паленке, ныне погребенная под буйным цветением тропического леса, лежит в величественных, таинственных руинах.

Заметив, что древние цари обычно были и жрецами, мы далеко не исчерпали религиозную сторону их функций. В те времена божественность, окутывающая царя, была не пустой фразой, а выражением твердой веры. Во многих случаях царей почитали не просто как священнослужителей, посредников между человеком и богом, но и как богов, способных оделить своих подданных и поклонников благами, которые, как правило, считаются находящимися вне компетенции смертных и испрашиваются путем молитвы и жертвоприношения у сверхъестественных, невидимых существ. Так, от царя часто ожидали воздействия в нужном направлении на погоду, чтобы зрели посевы и т. д. Сколь противоестественными ни представлялись бы нам эти ожидания, они вполне согласуются с образом мышления дикарей. Дикарь, в отли-

чие от цивилизованного человека, почти не отличает естественного от сверхъестественного. Мир для него является творением сверхъестественных, антропоморфных существ, которые действуют из побуждений, подобных его собственным, и которые могут быть тронуты призывами к состраданию. При таком воззрении на мир дикарь не видит предела своей способности воздействовать на ход природных процессов и обращать его в свою пользу. Боги посылают дикарю хорошую погоду и обильный урожай в обмен на молитвы, обещания и угрозы. А если (что иногда мерещится дикарю) бог воплощается в нем самом, то надобность в обращении к высшему существу вообще отпадает. В таком случае дикарь сам «обладает» всеми способностями, необходимыми для того, чтобы содействовать собственному благоденствию и благополучию своих товарищей.

Таков первый путь к формированию идей человека-бога. Но есть и второй. Наряду с представлением о мире как о месте пребывания различных духов дикарь обладает другим, возможно еще более архаическим, – представлением, в котором мы можем обнаружить зародыш современного понятия естественного закона или взгляда на природу как на совокупность событий, совершающихся в неизменном порядке без вмешательства антропоморфных существ. Понятие, которое мы упомянули, находит воплощение в симпатической магии – так ее можно назвать, – играющей важную роль в большинстве ранних религиозных систем. В первобытном обществе царь часто являлся одновременно магом и жрецом. Нередко ему удавалось достичь власти благодаря предполагаемой в нем искушенности в черной и белой магии. Таким образом, чтобы понять эволюцию института царской власти и священный характер, которым она была наделена в глазах диких и варварских народов, необходимо ближе познакомиться с принципами магии и составить себе некоторое представление о том необычайном влиянии, которое эта древняя система предрассудков во все времена и у всех народов оказывала на человеческий ум. Остановимся на этом предмете подробнее.

Глава III. Симпатическая магия

Принципы магии

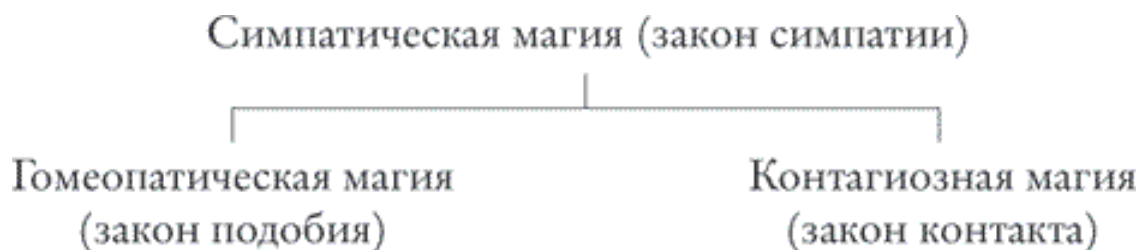
Магическое мышление основывается на двух принципах. Первый из них гласит: подобное производит подобное или следствие похоже на свою причину. Согласно второму принципу, вещи, которые раз пришли в соприкосновение друг с другом, продолжают взаимодействовать на расстоянии после прекращения прямого контакта. Первый принцип может быть назван законом подобия, а второй – законом соприкосновения или заражения. Из первого принципа, а именно из закона подобия, маг делает вывод, что он может произвести любое желаемое действие путем простого подражания ему. На основании второго принципа он делает вывод, что все то, что он проделывает с предметом, окажет воздействие и на личность, которая однажды была с этим предметом в соприкосновении (как часть его тела или иначе). Гомеопатической, или имитативной, магией можно назвать колдовские приемы, основанные на законе подобия. Контагиозной магией могут быть названы колдовские приемы, основанные на законе соприкосновения или заражения.

Первый вид магии лучше всего обозначить термином гомеопатическая, потому что альтернативный термин – магия имитативная – не исключает или даже подразумевает сознательно подражающего агента, что чрезмерно сужает сферу действия магии. Ведь колдун уверен, что принципы, находящие практическое применение в его искусстве, управляют также неживой природой. Другими словами, он допускает, что законы подобия и соприкосновения распространяются не только на человеческие действия, но имеют всеобщее применение. Короче говоря, магия является искаженной системой природных законов и ложным руководящим принципом поведения; это одновременно и ложная наука, и бесплодное искусство. Как система природных законов, то есть совокупность правил, которые «определяют» последовательность событий в мире, она может быть названа магией теоретической. В качестве же предписаний, которым люди должны следовать, чтобы достигать своих целей, она может называться магией практической. Вместе с тем следует иметь в виду, что первобытный колдун знает магию только с ее практической стороны. Он никогда не подвергает анализу мыслительные процессы, на которых основываются его действия, никогда не размышляет над заключенными в них абстрактными принципами. Как и большинство людей, он рассуждает так же, как переваривает пищу, – в полном неведении относительно интеллектуальных и физиологических процессов, необходимых для мышления и для пищеварения. Короче, магия является для него искусством, а не наукой; сама идея науки отсутствует в его неразвитом уме. Проследить ход мысли, лежащей в основе колдовских действий, выявить несколько простых нитей, которые переплетаются в запутанный клубок, отделить абстрактные принципы от их конкретных приложений, другими словами, обнаружить следы искаженной науки за видимостью неподдельного искусства является делом философа.

Если верен наш анализ магической логики, то два ее основных принципа оказываются просто двумя способами злоупотребления связью идей. Гомеопатическая магия основывается на связи идей по сходству; контагиозная магия основывается на связи идей по смежности. Ошибка гомеопатической магии заключается в том, что подобие вещей воспринимается как их идентичность. Контагиозная магия совершает другую ошибку: она исходит из того, что вещи, которые однажды находились в соприкосновении, пребывают в контакте постоянно. На практике оба вида магии часто сочетаются. Точнее говоря, если гомеопатическая, или имитативная, магия может практиковаться сама по себе, то контагиозная магия, как правило, связана с применением гомеопатического принципа. Понять эти разновидности магии в столь общей форме несколько затруднительно, но они станут удобопонятными, будучи проиллюстрированы на конкретных примерах. В их основе лежат довольно простые ходы мышления. Иначе и быть

не может – ведь с ними конкретно (конечно же не абстрактно!) освоился не только грубый ум дикаря, но и не менее невежественный ум современных суеверных людей. Обе разновидности магии – гомеопатическая и контагиозная – могут быть обозначены единым термином «симпатическая магия», поскольку в обоих случаях допускается, что благодаря тайной симпатии вещи воздействуют друг на друга на расстоянии и импульс передается от одной к другой посредством чего-то похожего на невидимый эфир. Эфир этот не столь уж отличается от эфира, существование которого современная наука постулирует с подобной же целью, а именно для объяснения того, как вещи могут взаимодействовать друг с другом в кажущемся пустым пространстве.

В зависимости от мыслительных законов, лежащих в их основе, можно наглядно изобразить обе разновидности магии в виде следующей схемы.

Приступим к иллюстрации двух основных видов симпатической магии на примерах. Начнем с магии гомеопатической⁴.

Гомеопатическая, или имитативная, магия

Вероятно, наиболее привычным применением принципа «подобное производит подобное» являются предпринимавшиеся многими народами в разные эпохи попытки нанести вред врагу или погубить его путем нанесения увечий его изображению или уничтожению последнего в полной уверенности, что человек, против которого направлены эти магические действия, испытает при этом те же страдания или умрет. В доказательство широкой распространенности этого обычая во всем мире и его удивительной живучести мы приведем лишь некоторые из очень многих примеров.

Тысячелетия тому назад он был известен колдунам Древней Индии, Вавилона и Египта, равно как Греции и Рима, и еще в наши дни в Австралии, Африке и Шотландии к нему прибегают коварные и злонамеренные люди. Индейцы Северной Америки верят, что, нарисовав чью-то фигуру на песке, золе или глине или приняв за человеческое тело какой-то предмет, а затем, проткнув его острой палкой или нанеся ему какое-то другое повреждение, они причиняют соответствующий вред изображенному лицу. Например, когда индеец племени оджибве хочет навлечь на кого-то напасть, он изготавливает деревянное изображение своего врага и вгоняет в его голову (или сердце) иглу или выпускает в него стрелу в уверенности, что стоит игле или стреле пронзить куклу, как враг почувствует в этой части тела острую боль. Если же он намеревается убить врага на месте, он сжигает и хоронит куклу, произнося при этом магические заклинания. Перуанские индейцы изготавливали из жира, перемешанного с мукой, изображения людей, которые им не нравились или наводили на них страх, а затем сжигали эти изображения на дороге, по которой должна была пройти жертва. Это называлось «сжечь душу».

Малайское колдовство заключается в следующем. Берутся обрезки ногтей, волосы, ресницы или слюна намеченной жертвы, так чтобы была представлена каждая часть тела. Затем из

⁴ О проблеме классификации типов и видов магии см. подробнее: *Токарев С. А. Сущность и происхождение магии. Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований // Труды Института этнографии. М., 1959. Т. 51. С. 17–29 и др.*

воска, добытого в заброшенных пчелиных сотах, изготавливается кукла. В течение семи ночей она медленно сжигается над лампой со словами:

О, я не воск, не воск растапливаю тут,
А сжигаю печень, сердце и селезенку такого-то.

После седьмого раза куклу окончательно растапливают, и жертва «умирает». Это колдовство сочетает в себе принципы гомеопатической и контагиозной магии, поскольку в изображении, изготавливаемом по образу и подобию врага, содержатся части тела, некогда бывшие с ним в соприкосновении: ногти, волосы и слюна. Другая малайская форма колдовства – еще более напоминающая колдовство оджибве – состоит в изготовлении марионетки длиной в ступню из взятого в пустом улье воска. Выколите ей глаза – и ваш враг ослепнет; пронзите ей живот – и он заболит, голову – и начнутся головные боли, грудь – и она заболит. Если же вы хотите избавиться от врага одним махом – проткните изображение насквозь, от головы вниз, заверните его в саван, как труп; помолитесь над ним, как над мертвым; захороните его посреди дороги, где ваша жертва наверняка наступит на него. Чтобы ее кровь не пала на вашу голову, надо сказать:

И не сам я его хороню.
А хоронит святой Гавриил.

Таким образом, вина за убийство ляжет на плечи архангела Гавриила, которому куда легче нести бремя ответственности.

Гомеопатическая магия, прибегающая к посредству изображений, обычно практиковалась со злонамеренной целью отправить на тот свет нежелательных людей. Но она использовалась (хотя куда более редко) и с благожелательными намерениями, например, чтобы оказать помощь ближним. Она использовалась с целью облегчения родов или для дарования потомства бесплодным женщинам. У батаков (остров Суматра) бесплодная женщина, желающая стать матерью, изготавливает деревянную куклу, которую держит на коленях, полагая, что это приведет к исполнению ее желания. На островах Бабарского архипелага женщина, которая хочет иметь ребенка, приглашает мужчину (отца большого семейства) помолиться от ее имени духу солнца Упулуро. Из красной хлопчатобумажной ткани делают куклу, которую женщина заключает в свои объятия, как бы намереваясь кормить ее грудью. Потом приглашенный многодетный отец ловит курицу и, держа ее за лапы, прикладывает к голове женщины, приговаривающей: «О Упулуро, возьми птицу, и, умоляю тебя, пусть ребенок сойдет вниз в мои руки и в мое лоно». Затем он спрашивает женщину: «Пришел ли ребенок?» – на что та отвечает: «Да, он уже сосет». После этого приглашенный для молитвы мужчина кладет птицу на голову мужа бесплодной женщины и бормочет какие-то слова. В конце концов курицу убивают и вместе с некоторым количеством бетеля кладут на место для домашних жертвоприношений. По окончании обряда по деревне разносится слух, что женщина родила, и друзья приходят ее поздравить. Мнимое рождение ребенка является здесь чисто магическим обрядом, направленным на то, чтобы путем подражания и мимикрии вызвать действительное деторождение. Кроме того, здесь налицо стремление сделать обряд более эффективным благодаря молитвам и принесению жертвы. Иными словами, магия перемешалась в данном случае с религией и от этого получила большую силу.

Некоторые из даяков с острова Борнео приглашают к роженице шамана, который пытается облегчить роды, массируя ее тело, то есть рациональным способом. Тем временем за пределами комнаты другой шаман прилагает усилия к достижению той же цели средствами, которые показали бы нам совершенно иррациональными. Он притворяется роженицей: большой камень, привязанный к его животу тряпкой, обмотанной вокруг тела, изображает ребенка в

утробе матери. Следуя указаниям, которые выкрикивает его коллега на действительном поле действий (в комнате), он передвигает воображаемого ребенка по всему телу, точно воспроизводя движения действительного младенца, пока тот не появится на свет.

Та же детская игра в воображаемых персонажах побудила другие народности использовать симуляцию родов как форму усыновления и даже возвращения к жизни человека, считавшегося мертвым. Если вы инсценируете рождение на свет мальчика или даже бородатого мужчины, который не имеет в своих жилах ни капли вашей крови, то, согласно примитивному праву и примитивной философии, этот мальчик или мужчина является вашим сыном в полном смысле слова. Диодор рассказывает, что, когда Зевс убедил свою ревнивую жену Геру усыновить Геракла, богиня слегла в постель и, прижав к своей груди дородного героя, протолкнула его через свое одеяние и уронила наземь в подражание действительным родам. Историк добавляет, что тот же способ усыновления детей практикуется современными ему варварами. Этот обычай распространен также в Болгарии и среди боснийских турков. Женщина берет мальчика, которого намеревается усыновить, и протаскивает его под своими юбками. После этого он считается ее сыном и наследует все состояние своих приемных родителей. Женщина племени бераван из Саравака (остров Борнео, современный Калимантан), вознамерившись усыновить взрослого мужчину или женщину, собирает множество людей и устраивает пиршество. Восседая на виду у всех на возвышающемся, покрытом тканью сиденье, приемная мать позволяет усыновляемому сзади проползти между ее ногами. Как только он выползает спереди, его обвязывают ароматными цветами пальмы арека и привязывают к женщине. Затем, связанные вместе, приемный сын и мать на виду у зрителей ковыляют в другой конец дома и обратно. Связь, возникшая между ними путем наглядной имитации акта деторождения, является очень сильной; нанесенное приемному сыну оскорбление считается более тяжким, нежели нанесенное настоящему.

В Древней Греции человек, которого ошибочно сочли мертвым и по которому в его отсутствие были совершены погребальные обряды, считался мертвым до тех пор, пока не проходил через обряд нового рождения. Его проводили между ног женщины, омывали, завертывали в пеленки и передавали на попечение кормилицы. Лишь после скрупулезного исполнения этого обряда вернувшийся мог свободно вступать в общение с живыми людьми. При таких же обстоятельствах в Древней Индии считавшийся мертвым человек должен был провести первую ночь после возвращения в лохани, наполненной смесью из жира и воды, не произнося ни слова. Он сидел там со сжатыми кулаками, как ребенок в утробе матери, в то время как над ним совершались все те обряды, которые обычно совершаются над беременными женщинами. На следующее утро он вылезал из лохани и еще раз проходил через все обряды, в которых принимал участие с юных лет, в частности, вступал в новый брак или еще раз с должной торжественностью женился на своей старой жене.

Другой пример использования гомеопатической магии на благо людям – излечение и предупреждение болезней. Для излечения от желтухи древние индусы совершали тщательно разработанную церемонию, основанную на гомеопатической магии. Ее основная цель – перенесение желтизны на существа и вещи желтого цвета, которым она по праву принадлежит (например, на солнце), и передача больному от живого, сильного существа (например, от рыжего быка) здорового, красного цвета. Для этого жрец произносил следующее заклинание: «Пусть твоя сердечная боль и желтуха уйдут к солнцу. Цветом красного быка оденем мы тебя! На долгую жизнь мы завернем тебя в красные тона. Да пребудет этот человек невредим и свободен от желтого цвета! Да преисполнится он силой бычьей, чьим божеством является Рохини, кроме того, быки и сами красные (*rohinih*). На попугаев и дроздов переводим мы твою желтуху, да еще на желтую трясогузку переводим мы твою желтуху». Чтобы влить розовый цвет здоровья в желтушного пациента, жрец, произнося эти слова, давал ему отхлебнуть воды, к которой была примешана шерсть красного быка, поливал водой спину животного и застав-

лял больного выпить ее, сажал его на шкуру красного быка и привязывал к нему кусок кожи. Затем, чтобы улучшить цвет его кожи (до полного искоренения желтого оттенка), жрец действовал так. Сначала он с головы до ног обмазывал больного желтой кашицей, приготовленной из желтого растения куркума, и ставил его на кровать. Затем он желтой веревкой привязывал к ножке кровати трех желтых птиц: попугая, дрозда и желтую трясогузку. Затем он смывал желтую кашицу, поливая пациента водой; вместе с кашицей на птиц, несомненно, переходила и желтуха. Чтобы окончательно придать больному цветущий вид, жрец завертывал в золотой лист несколько шерстинок красного быка и приклеивал их к коже пациента. Древние также полагали, что, стоит больному желтухой пристально посмотреть на морского бекаса, а этой птице – остановить на нем свой взгляд, и он вылечится. «Природа и темперамент этой птицы таковы, – писал Плутарх, что она выманивает болезнь наружу и посредством взгляда принимает ее как поток на себя». Торговцам птицами это ценное свойство морских бекасов было хорошо известно. Они выставляли этих птиц на продажу тщательно закрытыми, чтобы какой-то человек, страдающий желтухой, не посмотрел на них и не излечился бесплатно. У Плиния есть упоминание о другой (а возможно, о той же самой) птице, которую греки называли желтухой, потому что, если больной желтухой бросал на нее взгляд, болезнь покидала его и убивала птицу. Тот же автор рассказывает о камне, который, как считали, лечит желтуху, потому что по цвету он напоминает кожу больного этой болезнью.

Одним из великих достоинств гомеопатической магии является то, что она делает возможным проведение курса лечения не на больном, а на самом враче: видя, как последний корчится перед ним от боли, больной освобождается от всех признаков болезни. Например, крестьяне провинции Парш во Франции считают, что длительные приступы рвоты во время болезни желудка или кишечника происходят от того, что желудок больного, как они выражаются, «отстегнулся» и упал. Чтобы вернуть его на место, вызывают лекаря, и тот, узнав симптомы болезни, тут же валится на пол в страшных корчах, стремясь «отстегнуть» собственный желудок. А после того как ему это «удалось», он с новыми корчами и гримасами опять его «пристегивает», отчего боли в животе пациента затихают. Даякский знахарь, будучи приглашен к больному, падает и притворяется мертвым. С ним обходятся как с трупом: заворачивают в циновки, выносят из дому и кладут на землю. Через час-другой знахарь разворачивает мнимого больного и возвращает его к жизни. А так как он оживает, предполагается, что выздоравливает и настоящий больной. В любопытном труде по медицине придворный врач императора Феодосия I Марцелл из Бордо дает рецепт излечения опухоли, основанный на гомеопатической магии. Вот этот рецепт. Возьмите корень вербены, разрежьте его на две части; одну из них обвяжите вокруг шеи больного, а другую подержите над дымом. Как дым сушит вербену, так и опухоль высохнет и исчезнет. Если впоследствии больной проявит неблагодарность по отношению к своему избавителю, искусный врач может легко за себя отомстить, опустив вербену в воду; как только корень начнет впитывать влагу, опухоль появится вновь. В случае, если вас беспокоят прыщи, тот же ученый муж рекомендует подстеречь падающую звезду и в миг ее падения стереть прыщи тряпкой или тем, что попадет под руку. Подобно тому, как звезда покидает небо, прыщи покинут ваше тело. Но надлежит проявить осторожность и не стирать их голой рукой, а то они перейдут на нее.

Велика роль гомеопатической и вообще симпатической магии в тех мерах, которые примитивный охотник или рыбак принимает для того, чтобы обеспечить себя обильной пищей. Много делается им и его друзьями по принципу «подобное производит подобное», то есть как преднамеренная имитация искомого результата. С другой стороны, многих вещей тщательно избегают, потому что они имеют воображаемое сходство с тем, что может оказать действительно пагубное влияние.

Нигде теория симпатической магии не проводится в жизнь в целях получения изобилия пищи более систематически, чем в Центральной Австралии. Племена разделены там на

тотемные кланы, на каждом из которых лежит ответственность за размножение своего тотема с помощью магических обрядов. Большинство тотемов – это употребляемые в пищу животные и растения. Основным результатом, которого ждут от совершаемых обрядов, должно быть снабжение племени пищей и другими необходимыми вещами. Часто обряды являются имитацией такого результата. Другими словами, речь идет об имитативной, или гомеопатической, магии. Так, вождь тотема белого какаду племени варраунга «содействует» размножению своего тотема тем, что, держа в руках чучело птицы, подражает ее резкому крику. У аранда мужчины тотема «личинки» (*witchetty grub*)⁵ совершают обряды, чтобы вызвать размножение личинки этого жука, которого употребляют в пищу члены племени. Один из таких обрядов сводится к пантомиме, изображающей насекомое в тот момент, когда оно вылупливается из куколки. Возводится длинное и узкое сооружение из веток, напоминающее личинку жука. Внутри его помещаются несколько мужчин, имеющих жука своим тотемом. Они поют о различных стадиях, проходимых этим насекомым. Затем они на корточках выползают наружу, продолжая петь песню про появление насекомого из куколки. Считается, что все это содействует размножению личинок. Мужчины клана эму «способствуют» размножению этой птицы тем, что рисуют на земле ее священное изображение, в особенности тех частей ее тела, которые считаются наиболее лакомыми кусками. Мужчины рассаживаются вокруг этого рисунка и поют. После этого танцоры в головных уборах, напоминающих длинную шею и маленькую голову эму, подражая внешнему виду птицы, изображают, как она стоит и бесцельно вертит головой, оглядываясь во все стороны.

Индейцы Британской Колумбии питаются в основном рыбой, которой изобилуют их моря и реки. Если рыба не приходит в нужное время и наступает голод, шаман племени нутка делает чучело рыбы и опускает его в воду в направлении, откуда обычно приходит рыба. Этот обряд, сопровождаемый молитвой, призван побудить рыбу незамедлительно появиться. Жители островов Торресова пролива пользуются чучелами дюгоней и черепах, чтобы околдовать их и умертвить. Тораджи – аборигены центральной части острова Целебес – уверены, что однородные вещи привлекают друг друга благодаря присутствию им духовному эфиру. Поэтому они вывешивают в своих домах челюсти оленей и диких свиней, чтобы одушевляющие их духи привлекли живых особей своего вида на охотничью тропу. Когда на острове Ниас попадает в ловушку дикая свинья, животное извлекают из западни и натирают ему спину девятью упавшими листьями в уверенности, что, как девять листьев упали с дерева, так девять других диких свиней попадутся в западню. Когда на островах Сапаруа, Харуку и Нусса-Лаут (Индонезия) рыбаку предстоит расставить ловушки в море, он сначала отыскивает дерево, плоды которого охотно клюют птицы. С такого дерева он срезает крепкую ветвь и делает из нее основную podporку в своей ловушке. Он верит, что, подобно тому как плоды дерева привлекали к себе птиц, так и срезанная с такого дерева ветвь привлечет в ловушку много рыбы.

Племена западной части Британской Новой Гвинеи прибегают к колдовству для того, чтобы помочь охотнику поразить дротиком дюгоня или черепаху. В углубление в древке копья, на которое насаживается наконечник, помещают небольшого жука, обитающего на кокосовых пальмах. Охотники считают, что, подобно тому как жук при укусе быстро впивается в кожу человека, так и острие копья быстро вонзится в дюгоня или черепаху. Когда дичь не попадает в поставленный камбоджийским охотником силок, он раздевается донага, удаляется на некоторое расстояние, а затем, как бы сам того не замечая, набредает на силок, попадает в него и восклицает: «Ого, что же это?! Да я, видно, попался». После этого он уверен, что дичь обязательно попадет в силок. Такого же рода пантомима на памяти людей нашего поколения разыгрывалась у шотландских горцев. Преподобный отец Джемс Макдональд рассказывает, что, когда в годы его детства он со своими товарищами рыбачил в районе Лоч-Элайн и рыба долго не брала

⁵ Личинка съедобного жука. – Примеч. пер.

приманку, они обычно симулировали выбрасывание за борт одного из рыболовов (как будто это была рыба), а потом якобы извлекали его из воды. После этого, утверждает отец Макдональд, – в зависимости от того, находилась ли лодка в пресной или соленой воде, – на крючок обязательно клевала форель или силлок. Прежде чем ставить силки на куниц, индеец-карьер⁶ проводит в одиночестве у огня примерно десять ночей с притиснутой к шее небольшой палкой. Это, по его представлениям, обязательно должно побудить палку в затворе ловушки упасть на шею куницы. У галело, обитающих на севере большого острова Гальмагера (к западу от Новой Гвинеи), имеет хождение следующее правило, которое надлежит соблюдать, заряжая ружье перед выходом на охоту: прежде чем вогнать пулю в ствол, нужно положить ее в рот. Поступая так, ты уже ешь дичь, которую пуля должна будет поразить, так что она не может пролететь мимо цели. Малайский рыбак, который наживил ловушку на крокодила и ожидает улова, перед тем как начнет есть карри⁷, всегда проглатывает одну за другой три щепотки неприправленного риса, веря, что это помогает приманке легче проскочить в горло крокодила. Он также ни в коем случае не станет вынимать кости из карри: ведь тогда ослабела бы заостренная палка, на которую насажена наживка, и крокодил уплыл бы вместе с приманкой. При таких обстоятельствах предусмотрительный охотник просит кого-нибудь вынуть кости из карри до начала еды; в противном случае он должен выбирать между опасностью проглотить кость и риском упустить крокодила.

Последнее правило является примером того, от чего охотник должен воздерживаться, если по принципу «подобное производит подобное» он не хочет упустить удачу. Вся система симпатической магии состоит не из одних позитивных предписаний, она включает в себя большое число негативных предписаний, то есть запретов. Она говорит не только о том, как надлежит поступать, но и о том, чего делать не следует. Совокупность позитивных предписаний составляет колдовство, совокупность негативных предписаний – табу. Фактически все представления о табу, во всяком случае большая их часть, являются лишь частными случаями применения симпатической магии с ее великими законами сходства и контакта. Хотя, конечно, эти законы не сформулированы дикарем в словесной форме и не постигаются им абстрактно, он тем не менее верит в то, что они регулируют течение природных явлений совершенно независимо от человеческой воли. Дикарь уверен, что, стоит ему поступить так-то и так-то и в соответствии с одним из этих законов, неизбежно произойдут такие-то и такие-то последствия. А если последствия какого-то поступка, как ему кажется, нежелательны или опасны, он, естественно, старается поступать так, чтобы не навлечь их на себя. Другими словами, он воздерживается от совершения того, что, как он полагает в соответствии с ошибочными представлениями о причинно-следственных связях, может ему повредить. Такие вещи он табуирует. Табуирование, таким образом, является негативным приложением практической магии. Правило позитивной магии или колдовства гласит: «Поступай так-то, чтобы произошло то-то и то-то». Правило негативной магии (или табу) гласит: «Не делай того-то, чтобы не случилось то-то и то-то». Цель позитивной магии или колдовства – сделать так, чтобы желаемое событие произошло, цель негативной магии или табу сделать так, чтобы нежелательное событие не произошло. Но предполагается, что оба последствия (желательное и нежелательное) имеют место в соответствии с законами подобия или контакта. И подобно тому как желательное явление в действительности вовсе не есть следствие совершения магического обряда, явление, которого страшатся, в действительности не вытекает из нарушения табу. Если бы предполагаемое зло с необходимостью следовало за нарушением табу, последнее было бы уже не табу, а предписанием морали или максимумом здравого смысла. Фраза: «Не подставляй руку огню» – представ-

⁶ «Носильщики» – название, данное американцами атапасскому племени такулли в Северо-Западной Канаде.

⁷ Разновидность плова с приправой из куркумового корня, чеснока и разных пряностей. – *Примеч. пер.*

ляет собой не табу, а правило здравого смысла, потому что запрещенное действие приносит реальный, а не воображаемый вред.

Короче говоря, негативные предписания, которые мы называем табу, столь же бесполезны и тщетны, сколь бесполезны и тщетны позитивные предписания, называемые нами колдовством. Это всего лишь противоположные полюса единого великого, губительного заблуждения, ошибочного понимания связи идей. Негативным полюсом этого заблуждения являются табу, позитивным – колдовство. Если мы дадим всей этой ложной системе общее название теоретической и практической магии, то табу можно определить как негативную сторону практической магии. Это соотношение можно представить в виде следующей схемы.

Я сделал эти замечания о табу и об их отношении к магии не зря. Я намерен привести несколько примеров табу, соблюдаемых охотниками, рыбаками и т. д., а до этого я хотел бы показать, что они подходят под рубрику «симпатическая магия», будучи не более как частными примерами общей теории. Например, у эскимосов мальчикам запрещалось играть в «веревочку»⁸ из боязни того, что, когда они станут взрослыми охотниками, их пальцы могут запутаться в веревке гарпуна. В данном случае табу, очевидно, является применением закона подобия, лежащего в основе гомеопатической магии: пальцы ребенка запутываются в веревке или игре в «веревочку», следовательно, его пальцы запутаются также в гарпунной веревке, когда он станет мужчиной и будет охотиться на китов. У гуцулов, живущих в Карпатах, жена охотника не может прясть, пока ее муж охотится, иначе дичь будет вертеться, как веретено, и охотник не сумеет ее поразить. И в этом случае табу вытекает как следствие из закона подобия. Во многих областях древней Италии женщинам запрещалось законом прясть вне дома на виду у прохожих и даже показываться на людях с веретенами, так как считалось, что это может повредить урожаю. Думали, вероятно, что вращение веретена могло привести во вращение стебли злаков и они выросли бы кривь и вкось. Также у айнов с острова Сахалин беременная женщина за два месяца до родов прекращает прясть и свивать веревку, потому что якобы в противном случае кишки новорожденного могут спутаться, как нити. В одной из областей Индии (в Биласпуре) запрещается вертеть веретено, когда вожди деревень собираются на совет, чтобы обсудить вопрос, подобно веретену, не вращалось по кругу до бесконечности. На одном из островов Индонезии существует обычай, по которому, если кто-то приходит в дом охотника, должен войти в дверь сразу, а не мешкать: в противном случае дичь будет якобы также останавливаться перед расставленными охотником ловушками и поворачивать обратно, вместо того чтобы идти в них. У туземцев тораджи (центральная часть острова Целебес) бытует правило, согласно которому никто не может останавливаться или мешкать на лестнице дома, где проживает беременная женщина, потому что это могло бы задержать рождение ребенка. В различных частях острова Суматра беременной женщине запрещается оста-

⁸ Детская игра: перекладывание бечевки, надетой на пальцы, с рук одного играющего на руки другого так, чтобы при этом получались различные фигуры. – *Примеч. пер.*

навливаясь перед дверью или на верхней ступеньке лестницы, ибо считается, что за пренебрежение столь простым предписанием она расплатится тяжелыми родами. Отправившиеся на поиски камфоры малайцы едят сухую пищу и нерастолченную соль. Дело в том, что камфора образуется в виде небольших зерен, проступающих в трещинах ствола камфорового дерева. Поэтому малайскому собирателю представляется очевидным, что если, отправляясь на поиски камфоры, он употребит в пищу мелко размолотую соль, то и камфора попадет к нему в мелких зернах. А если он употребит в пищу крупно помолотую соль, то крупными будут и зерна камфоры. Собиратели камфоры на острове Борнео (Калимантан) используют сосуды, изготовленные из прочных, как кожа, стеблей пальмы пенанг. В течение всей экспедиции они не моют эти сосуды из боязни, что в противном случае камфора на стволах деревьев растворится и исчезнет. Они уверены, что помыть сосуды для сбора камфоры – значит вымыть кристаллы камфоры из стволов деревьев, на которых они образуются. Основным занятием в некоторых областях Лаоса является добыча красной смолы, вязкого смолистого вещества, выделяемого насекомыми красного цвета на молодые ветки дерева. Эти насекомые высаживаются на деревья руками. Все участвующие в сборе красной смолы воздерживаются от мытья, в особенности от мытья головы, так как уверены, что, смывая паразитов с волос, спугнут насекомых с ветвей деревьев.

Самыми многочисленными и существенными из соблюдаемых дикарями табу являются, видимо, запреты на употребление тех или иных видов пищи. Многие из этих запретов совершенно явно вытекают из закона подобия и служат, следовательно, примерами негативной магии. Подобно тому как дикарь употребляет в пищу многих животных и растения с целью приобрести некоторые их свойства, он избегает питаться другими животными и растениями из боязни приобрести нежелательные для него свойства, которыми, как он полагает, они способны его наделить. В первом случае дикарь упражняется в позитивной магии, во втором – действует по законам магии негативной. Позднее мы столкнемся со многими примерами позитивной магии. Сейчас же мне хотелось бы привести несколько примеров негативной магии, или табуирования. Так, мадагаскарским воинам запрещается есть некоторые виды пищи из опасения, как бы это (согласно принципам гомеопатической магии) не возымело опасных и нежелательных последствий, которые, по поверью, неразрывно связаны с этими яствами. Они, например, не могут попробовать мясо дикобраза, «так как существует опасность, что это животное с его склонностью сворачиваться в клубок, когда его потревожат, передаст свой робкий нрав тем, кто вкусит его мясо». Ни один воин не должен также есть колено быка, чтобы не стать, подобно быку, слабым в коленях и неспособным участвовать в походах. Далее, воину нужно воздерживаться от соблазна попробовать мясо погибшего в схватке петуха или любого другого убитого копьем животного: ни одно животное мужского пола ни под каким предлогом не может быть убито в доме воина во время его отсутствия. Если воин съест мясо погибшего в схватке петуха, он сам рискует пасть на поле битвы: если же во время его отсутствия в его доме было зарезано животное мужского пола, то таким же способом – возможно, в тот же миг – может найти свою смерть и сам воин. Малагасийский солдат не должен, кроме того, есть почки, потому что в малагасийском языке «почки» и «выстрел» обозначаются одним словом: считается, что, если он попробует почки, его наверняка застрелят.

Читатель, вероятно, заметил, что в некоторых из приведенных примеров действие магии распространяется на большое расстояние... Вера в симпатическое влияние, которое люди и предметы на расстоянии оказывают друг на друга, является одной из существенных черт магии. Наука может питать сомнение по поводу возможности воздействия на расстоянии, но магия не такова. Один из устоев магии – вера в телепатию. Современный приверженец веры во взаимодействие умов на расстоянии без труда нашел бы общий язык с дикарем. Ведь дикарь изначально верил в это, более того, на основании этой веры он действовал с такой логической последовательностью, какой его цивилизованному собрату по вере, насколько нам известно,

никогда не удавалось достичь. Дикарь убежден не только в том, что магические обряды оказывают воздействие на людей и предметы на расстоянии, но и в том, что такое же действие могут возыметь простейшие акты обыденной жизни. Поэтому в особо важных случаях поведение дикаря регулируется более или менее разработанным кодексом правил, пренебрежение которыми, по поверью, может повлечь за собой неудачу и даже смерть отсутствующих друзей или родственников.

Когда отряд мужчин уходит на охоту или на войну, предполагается, что оставшиеся дома родственники будут делать одно и воздерживаться от другого ради того, чтобы сохранить безопасность охотников или воинов, принести им успех. Приведу некоторые примеры позитивной и негативной телепатии.

Когда лаосский охотник на слонов уходит на промысел, он предупреждает свою жену, чтобы в его отсутствие та не стригла волосы и не умащивала тело маслом, ибо в первом случае слон разорвет сети, а во втором – проскользнет через них. Когда даяки отправляются в джунгли охотиться на диких свиней, оставшиеся в деревне не должны прикасаться к маслу или воде. В противном случае охотники «останутся с носом»⁹, добыча ускользнет из их рук.

Охотники на слонов в Восточной Африке верят, что, если жены изменят им в их отсутствие, слон нападет на них и они погибнут или получают тяжелые увечья. Поэтому, если до охотника доходит слух о дурном поведении его жены, он прекращает охоту и возвращается домой. Если охотника племени вагого постигает неудача или на него нападает лев, он приписывает это дурному поведению своей жены и возвращается домой в великой ярости. Во время охоты вагого жена его не должна допускать, чтобы кто-то проходил сзади или стоял впереди нее, когда она сидит, а спать она должна лицом вниз. Индеец племени мохос в Боливии был убежден, что если во время его отсутствия жена окажется ему неверна, то его на охоте укусит змея или ягуар. Так что, если с ним приключилось нечто подобное, наказание (а часто и смерть) женщины независимо от того, виновна она или нет, – было бы неизбежным. Алеут, охотник на морских выдр, думает, что неудачная охота – это результат того, что во время его отсутствия жена была ему неверна или сестра потеряла невинность.

Мексиканские индейцы племени гуичоль обращаются как с полубогом с одним видом кактусов, который приводит отведавшего его человека в экстатическое состояние. В их стране это растение не произрастает, и поэтому мужчины должны для его добычи ежегодно отправляться в поход, длящийся 43 дня. В течение всего времени, которое проходит до начала праздника кактуса, мужчины и женщины моются только в особых случаях, и то лишь водой, привозимой из дальней страны, где растет священное растение. Те и другие подолгу голодают, не употребляют в пищу соль и строгим образом воздерживаются от половых сношений. Считается, что нарушители этих правил подвергают себя опасности заболевания, а главное – ставят под угрозу достижение цели, к которой устремлены желания всех членов племени. С нахождением кактуса, этого вместилища бога Огня, индейцы связывают здоровье, счастье и жизнь. Но подобно тому как чистый огонь не может принести пользу человеку нечистому, мужчины и женщины обязаны не только временно сохранять целомудрие: они должны очиститься от скверны прошлого греха. Поэтому через четыре дня после начала экспедиции женщины собираются вместе и исповедуются Деду Огню в том, скольких мужчин они любили, начиная с детских лет. Они не имеют права ничего упускать, иначе мужчины не найдут ни одного кактуса. Для того чтобы ничего не забыть, каждая женщина завязывает на веревке столько узелков, сколько у нее было любовников. С этой веревкой она приходит в храм и, стоя перед огнем, громким голосом поименно перечисляет отмеченных узелками мужчин. После окончания исповеди она бросает веревку в огонь, и, когда «чистое божественное пламя» ее поглотит,

⁹ В оригинале игра слов: идиоматический оборот «*butter-fingered*» означает «остаться с носом» и «иметь замасленные руки».

женщине отпускаются все грехи, и она уходит с миром. С этого момента женщины неохотно позволяют мужчинам даже просто проходить рядом с ними. Таким же образом очищаются от своих былых прегрешений и сами искатели кактуса. На каждый прошлый грешок они завязывают на веревке по узелку и, исповедавшись «на все четыре стороны», отдают эти своеобразные четки с перечнем грехов руководителю экспедиции, который сжигает их.

Туземцы Саравака верят, что, если жена собирателя камфоры совершит прелюбодеяние, добытая мужем камфора испарится. По специфическим наростам на коре дерева муж «может определить», что жена ему неверна. Рассказывают, что в прошлом многие жены были убиты ревнивыми мужьями только на этом основании. Кроме того, пока мужья находятся в поисках камфоры, женщины не отваживаются прикоснуться к гребню: иначе трещины в стволах деревьев окажутся не полными ценных кристаллов камфоры, а пустыми, как промежутки между зубьями гребня. Когда на островах Кеи (к юго-западу от Новой Гвинеи) туземцы спускают на воду судно, чтобы плыть в дальний порт, место, на котором оно лежало, покрывается пальмовыми ветвями и становится священным. На это место до возвращения корабля не может ступить ничья нога; в противном случае судну якобы грозит гибель. Кроме того, во время плавания три-четыре молодых девушки, специально выбранные для этой цели, находятся, как предполагается, в симпатической связи с моряками и своим поведением содействуют безопасности и успеху плавания. Кроме случаев крайней нужды, эти девушки не имеют права покидать отведенную им комнату. Более того, пока корабль находится в море, они должны пребывать в абсолютно неподвижном состоянии, распластанные на циновках с зажатыми меж колен руками. Им не позволяется ни поворачивать голову, ни совершать другие движения, ибо это вызовет качку на борту судна. Им нельзя есть ничего липкого, например сваренного в кокосовом молоке риса, потому что клейкость пищи может плохо сказаться на ходе судна. Когда моряки, по расчетам, достигают места назначения, строгость запретов несколько смягчается. Но на протяжении всего их путешествия девушкам запрещается есть рыбу, имеющую острые кости или шипы (например, электрического ската), чтобы с друзьями не произошло бедствие.

Там, где имеют хождение верования, относящиеся к симпатической связи на расстоянии, война, вызывающая самые глубокие человеческие эмоции, суровые и нежные, оживляет в сердцах встревоженных родственников желание максимально использовать симпатическую связь на благо дорогим и близким им людям, которые сражаются, а может быть, и умирают вдалеке от них. Оставшиеся дома друзья и родственники воинов прибегают к уловкам, которые поражают нас своей патетичностью и своей забавностью, – в зависимости от того, имеем ли мы в виду цель (которая вызывает уважение) или употребленные ради ее достижения средства (которые смехотворны). Например, когда даяк с острова отправляется на охоту за головами, его жена или незамужняя сестра должна днем и ночью иметь при себе меч, чтобы воин всегда думал о своем оружии. Она не должна спать весь день до двух часов ночи, чтобы враг не захватил ее мужа или брата спящим. Когда морские даяки из селения Бантинг из Саравака уходят на войну, поведение женщин подчиняется тщательно разработанному кодексу правил. Женщины должны вставать очень рано и, как только забрезжит свет, открывать окна, иначе их отсутствующие мужья проснутся слишком поздно. Женщинам запрещается смазывать волосы маслом, а не то мужчины поскользнутся. Днем они не имеют права спать или дремать, чтобы дремота не нашла на мужчин во время похода. Каждое утро женщины должны жарить и рассыпать на веранде своих домов кукурузные зерна, чтобы сделать мужчин проворными. Комнаты содержатся в идеальной чистоте, все вещи в них прислонены к стене, так как считается, что если кто-то о них споткнется, то находящиеся в разлуке мужья упадут и окажутся в руках врага. После каждой еды в горшке должно оставаться немного риса, чтобы у мужчин всегда было что поесть и они не голодали. Женщины ни в коем случае не должны засиживаться за ткацким станком до судорог в ногах; в противном случае суставы мужчин якобы окостенеют, и они не сумеют быстро подняться и убежать от врага. Чтобы придать гибкость суставам муж-

чин, женщины обязаны перемежать работу за ткацким станком с хождением взад-вперед по веранде. Они не должны закрывать свои лица; иначе мужчины заблудятся в высокой траве или в джунглях. Они не имеют права также шить иглой, чтобы мужчины не наступили на шипы, разбросанные врагами на их пути. Если во время отсутствия мужа жена ему изменит, он не вернется живым из вражеской страны. Еще сравнительно недавно эти и другие запреты соблюдались женщинами селения Бантинг, когда их мужья на стороне англичан сражались против мятежников. Но, увы, эти предосторожности мало что дали, и многие из тех, чьи верные жены дома стояли на страже их интересов, покоятся в братской могиле.

Первосвященник на острове Тимор во время войны не покидает храма. Пищу ему приносят и готовят в храме, днем и ночью он обязан поддерживать огонь, потому что в противном случае над воинами разразится несчастье, и продолжаться оно будет до тех пор, пока очаг останется холодным. Пока армия участвует в военных действиях, жрец должен пить только горячую воду, потому что каждый глоток холодной воды охлаждает пыл народа и лишает его возможности одержать победу над врагом. На островах Кеи после выступления воинов в поход женщины возвращаются в дом и выносят наружу корзины с камнями и плодами. Плоды и камни они умащивают и кладут на стол, приговаривая при этом: «О владыки солнца и луны! Пусть пули отскочат от наших мужей, братьев, женихов и других родственников, как капли дождя отскакивают от этих смазанных маслом предметов». Как только раздастся первый выстрел, женщины, отложив в сторону корзины, с веерами в руках выбегают из домов. Они бегут по деревне, размахивая веерами в сторону врага и распевая: «О золотые веера! Пусть наши пули ранят, а пули врагов пролетают мимо». В этом обычае умащивания камней для того, чтобы пули отскакивали от воинов, как дождевые капли от камней, есть многое от гомеопатической, или имитативной, магии. Обращение с молитвой к солнцу, чтобы оно сделало колдовство действенным, было, возможно, позднейшим религиозным напластованием. Размахивание веерами также является магическим приемом; оно призвано направить пули к цели или отвести их от нее в зависимости от того, были они выпущены из ружей друзей или врагов.

Один из авторов истории Мадагаскара сообщает, что «до возвращения мужчин с войны женщины и девушки ни днем ни ночью не прекращают танцевать, они не ложатся спать и не едят в домах. И ни за что на свете они не вступят в связь ни с одним мужчиной, пока их мужья и женихи на войне. Они пребывают в твердой уверенности, что в противном случае воины были бы убиты или ранены. Танец, по их убеждению, вселяет в воинов силу, придает им мужество и сопутствует удаче; поэтому в такое горячее время они не дают себе поблажки. Соблюдается этот обычай со всей строгостью».

У говорящих на языке тши народов Золотого Берега жены находящихся на войне мужчин выкрашивают себя в белый цвет и украшают тело бусами и амулетами. В день ожидаемого сражения они бегают с ружьями или вырезанными в форме ружей палками и, схватив зеленые плоды по-по, по форме напоминающие дыню, разрубают их ножами, как если бы это были головы врагов. Нет сомнения в том, что эта пантомима является примером имитативной магии, преследующей цель помочь мужчинам сделать с врагами то, что женщины проделывают с плодами по-по. Когда в Западной Африке бушевала война с Ашанти, Фицджеральд Мэрриот видел в городе Фраминне танец, исполнявшийся женами тех, кто принимал участие в войне в качестве носильщиков. Женщины были выкрашены в белый цвет, и на них были только короткие юбки. Возглавляла шествие морщинистая старая колдунья в очень короткой белой юбке, с прической в виде длинного, выступающего вперед рога. Ее грудь, лицо, руки и ноги были разрисованы кругами и полумесяцами. Все женщины несли в руках длинные белые метелки, сделанные из хвоста буйвола или лошади, и пели во время танца: «Наши мужья ушли в страну Ашанти. Пусть же они сметут своих врагов с лица земли!»

Когда мужчины племени бассейна реки Томпсон (Британская Колумбия) вступали на тропу войны, их жены все время танцевали, делая лишь небольшие перерывы. Считалось, что

танцы обеспечивают успех похода. Танцующие размахивали ножами, бросали длинные заостренные палки, делали выпады палками с крючковатыми концами. Это символизировало пронзение врага или уклонение от его удара. Выдергивание же палок символизировало вызволение воинов из беды. Для этой цели, несомненно, особенно хорошо был приспособлен крюк на конце палки. Оружие женщины направляли в сторону вражеской страны. Свои лица они выкрашивали в красный цвет, а во время танца обращались к оружию с молитвой сохранить их мужьям жизнь и помочь им уничтожить побольше врагов. Некоторые приклеивали к концам своих палок орлиный пух. По окончании танца палки прятали. Если, вынимая оружие из укрытия, женщина, муж которой принимал участие в войне, замечала на нем волосы или кусочек скальпа, это означало, что ее муж убил врага. Но если на оружии был кровавый след, не было сомнения, что муж убит или ранен. Когда на войну уходили мужчины племени юки (Калифорния), женщины не смыкали глаз; они танцевали, распевая и махая ветками. По их словам, если они будут танцевать непрерывно, то мужья не почувствуют усталости. Когда на войну уходили индейцы гайда (острова Королевы Шарлотты), оставшиеся дома женщины вставляли засветло. Они нападали на своих детей, делая вид, будто обращают их в рабство, то есть устраивали как бы инсценировку войны. Предполагалось, что это поможет мужьям поступить таким же образом с врагами. Если жена изменяла своему мужу, вступившему на тропу войны, возрастала вероятность того, что его убьют. В течение десяти ночей женщины ложились спать головой в том направлении, в каком уплыли каноэ с воинами. Затем они меняли позу, так как считалось, что воины уже возвращаются домой. В Массэт во время отсутствия воинов женщины-гайда танцевали и пели военные песни, все вещи вокруг себя следовало держать в определенном порядке. Несоблюдение женой этих обычаев могло якобы привести к гибели мужа. Когда на войну выступал отряд индейцев-карибов (р. Ориноко), их друзья, оставшиеся в деревне, старались как можно точнее высчитать момент, когда воины пойдут в атаку на врага. Тогда они клали на скамью двух юношей и, раздев их догола, задавали им жестокую порку. Юноши переносили ее безропотно, так как в страдании их поддерживало непоколебимое убеждение, которое они впитали с молоком матери: от твердости и силы их духа зависит мужество и успех их сражающихся товарищей.

В некоторых случаях принципы гомеопатической, или имитативной, магии использовались, когда люди хотели заставить деревья и другие растения плодоносить в нужное время. В Тюрингии, например, крестьянин, сеющий лен, несет семена на спине в длинном мешке, который свешивается до колен. Он идет большими шагами, так что мешок раскачивается у него из стороны в сторону. Согласно поверью, это заставит лен раскачиваться на ветру. Распушенные волосы сеятельниц риса во внутренней области острова Суматра свободно ниспадают им на плечи, чтобы рис разросся столь же пышно и имел столь же длинные стебли. В Древней Мексике совершалось празднество в честь богини маиса, так называемой длинноволосой матери. Оно начиналось в период, когда маис уже полностью поднялся и волокно, образовавшееся в верхней части початка, указывало на то, что зерно созрело. Во время танцев, которые составляли главную часть праздника, женщины распускали свои длинные волосы, и они развевались на ветру. Делалось это для того, чтобы початки маиса выросли столь же длинными, чтобы зерна были широкими и плоскими и чтобы народ жил в изобилии. Во многих районах Европы танцы и высокие прыжки являются патентованными гомеопатическими средствами, якобы способствующими хорошему урожаю. Так, жители Франш-Контэ (Бургундия) говорят: для того чтобы хорошо поднялась конопля, следует вволю потанцевать на празднике Масленицы.

Представление о том, что человек может гомеопатически повлиять на растение, ярко выражено в ответе одной малайской женщины. На вопрос, почему во время сбора риса она оголила верхнюю часть тела, она ответила: «Я поступила так, чтобы сделать тоньше шелуху риса, потому что рис с толстой шелухой утомительно толочь». Она была уверена, что, чем меньше одежды будет на ней, тем меньше шелухи будет на рисе. Логическая способность сообщать

плодородие, приписываемая беременным женщинам, хорошо известна баварским и австрийским крестьянам. Они считают, что если дать беременной женщине отведать первый плод с дерева, то на следующий год оно принесет обильный урожай. Бесплодная же женщина, как полагают туземцы баганда, заражает бесплодием сад своего мужа и препятствует плодородию деревьев; поэтому с бездетной женщиной, как правило, разводятся. Греки и римляне приносили беременных женщин в жертву богиням злаков и земли, чтобы земля была плодородной и наливались колосья злаков. Один католический священник увещевал индейцев бассейна реки Ориноко не позволять женщинам с грудными детьми засеивать поля под лучами палящего солнца. На это мужчины ответили ему: «Отец, эти обычаи раздражают тебя потому, что ты в них ничего не понимаешь. Видишь ли, женщины, в отличие от мужчин, привычны носить детей. Когда сеют женщины, один стебель маиса дает два или три початка, один корень юкки – две или три корзины плодов, и все умножается в равной пропорции. А почему это так? Да потому, что женщины сами умеют рожать и знают, как сделать, чтобы семя принесло плоды. Так пусть они и сеют. В этом деле нам, мужчинам, с ними не сравняться».

Таким образом, согласно принципам гомеопатической магии, своими действиями и состояниями человек может повлиять на растительность в хорошую или дурную сторону. Например, плодовитая женщина делает якобы растения плодородными, а бесплодная женщина – бесплодными. Вера во вредность и заразность тех или иных качеств или поступков людей породила множество запретов и табу: люди воздерживаются от определенных поступков, чтобы гомеопатически не заразить плоды земли. Такого рода воздержания или избегания служат примерами табуирования. Например, исходя из представления о передаче человеческих поступков неодушевленным предметам, галело утверждает, что не следует стрелять из лука под фруктовым деревом; иначе и плоды, как стрелы, попадают с дерева на землю. Съедая дыню, не следует смешивать косточки, выплевываемые изо рта, с косточками, которые откладываются на семена; хотя в противном случае выплевываемая косточка взойдет и на стебле появятся цветы, но цветы будут опадать, как косточки выпадают изо рта, и, таким образом, эти семена плодов не принесут. Тот же самый ход мысли побуждает баварского крестьянина верить, что если он уронит на землю черенок фруктового дерева, то это дерево будет преждевременно сбрасывать плоды. Когда туземцы чам из Кохинхины¹⁰ засеивают сухие рисовые поля, они, желая предотвратить порчу урожая дождем, едят рис сухим.

Человек в вышеприведенных примерах наделяет деревья и растения желательными или нежелательными свойствами в зависимости от хороших или плохих качеств своей личности. Но воздействие по принципу гомеопатической магии является взаимным, то есть не только человек может якобы повлиять на растения, но и растение способно воздействовать на человека. Приверженцами практической ботаники гомеопатического образца являются индейцы чероки. Жилистые корни растения кетгут столь крепки, что способны задержать движение плуга по борозде. Поэтому женщины племени чероков моют голову отваром из корней этого растения с целью укрепить их, а игроки в мяч омываются им, чтобы укрепить мускулы. Галело убежден, что не успеете вы съесть упавший на землю плод, как у вас также появится склонность спотыкаться и падать, а если вы отведадите что-то позабытое (например, оставшийся в горшке сладкий картофель или оставленную на огне баранину), то сами станете забывчивыми. Те же галело придерживаются мнения, что, если женщина съест два банана из одной связки, то она родит двойню. Индейцы южноамериканского племени гуарани считают, что женщина родит двойню, если съест два сросшихся зерна проса.

Любопытное приложение этого принципа в ведические времена породило колдовское средство, с помощью которого изгнанный властитель пытался вернуть себе царство. Для этого он должен был отведать пищу, приготовленную на дровах, из пня срубленного дерева.

¹⁰ Прежнее название южной части Вьетнама.

Считалось, что укрепляющая сила дерева перейдет от огня к пище, а от пищи – к властителю. Сунданцы (остров Ява) убеждены, что если дом построен из древесины дерева, обросшего колючками, то жизнь его обитателей будет столь же тернистой и беспокойной.

Особая ветвь гомеопатической магии специализируется на покойниках: согласно гомеопатическому принципу, вы можете с помощью костей мертвеца или вообще всего, тронутого дыханием смерти, сделать людей слепыми, глухими и немыми, как покойник. Например, когда молодой галело идет ночью на любовное свидание, он набирает на могиле горсть земли и посыпает ею крышу дома своей возлюбленной как раз над тем местом, где спят ее родители. Он воображает, что могильная земля погрузит их в крепкий, мертвецкий сон, и они не помешают его свиданию с возлюбленной. Воры-взломщики во многих странах непременно использовали этот вид магии, который очень «полезен» в их профессии. Так, у южных славян взломщик иногда начинает ограбление с того, что подбрасывает над домом кость покойника, говоря с едким сарказмом: «Пусть эти люди проснутся не раньше, чем эта кость». После этого в доме якобы не бодрствует ни одна душа. На острове Ява взломщик берет с могилы землю и рассыпает ее вокруг дома, который он намеревается ограбить, будто бы погружая его обитателей в глубокий сон. С той же целью индус насыпает у двери дома золу с погребального костра, перуанские индейцы – пыль от истолченных костей покойника, а взломщик-русин вынимает из берцовой кости мозг, заливает туда сало и поджигает его. После того как сало загорится, он трижды обходит вокруг дома с такой своеобразной свечой, что якобы заставляет обитателей дома заснуть мертвым сном. Или тот же русин делает флейту из ножной кости мертвеца и играет на ней, отчего будто бы всех слушателей одолевает дремота. С той же злонамеренной целью мексиканские индейцы использовали левое предплечье женщины, которая умерла при рождении первого ребенка. Прежде чем войти в дом, намеченный для ограбления, индеец стучал костью о землю. Это должно было вызвать у жителей дома потерю дара речи и способности двигаться; видя и слыша, они становились совершенно бессильными, как мертвые. Подобные же свойства в Европе приписывались «славной руке», представлявшей собой не что иное, как высушенную и забальзамированную руку повешенного. Если в «славную руку», как в подсвечник, вставляли зажженную свечу, сделанную из жира преступника, также окончившего жизнь на виселице, то она будто бы повергала в оцепенение всех, кто ее видел: подобно мертвецам, они даже пальцем не могли пошевелиться. Иногда свечой, точнее связкой свечей, становилась сама рука покойника, так как поджигали все ее иссохшие пальцы. Если один из пальцев не загорался, значит, кто-то из домашних бодрствовал. Такого рода нечестивые огни могли быть погашены только молоком. Нередко предписывалось изготавливать воровскую свечку из пальца новорожденного или, еще лучше, мертворожденного ребенка. В других случаях считалось необходимым, чтобы вор имел при себе по одной такой свече на каждого жителя дома, потому что, будь у него одной свечой меньше, кто-нибудь в доме обязательно проснется и схватит его. В XVII столетии случалось, что грабители нападали на беременных женщин, чтобы извлечь на такие свечи плод из их утробы. У древних греков грабитель или взломщик думал, что самая злая сторожевая собака замолчит и обратится в бегство, если он принесет с собой головню из погребального костра. Сербские и болгарские женщины, которых раздражают тяготы супружеской жизни, прикладывают медную монету к глазам покойника, омывают ее вином или водой и дают мужьям выпить эту жидкость. После этого те делаются якобы столь же слепыми к прегрешениям своих жен, как покойник, к глазам которого монету прикладывали.

Животные, как известно, обладают свойствами, которые могли бы быть полезными человеку, и гомеопатическая магия разными путями старается передать эти свойства людям. Некоторые из бечуанов носят, например, в качестве талисмана шкурку хорька, потому что этот очень живучий зверек якобы и их делает столь же жизнестойкими. Другие представители данной народности носят с той же целью какое-нибудь изуродованное, но живое насекомое. Воины-бечуаны носят в своих волосах шерсть безрогого быка, а на накидке – кожу лягушки.

Украшенный этими амулетами человек верит, что его столь же трудно поймать, как безрогого быка и скользкую лягушку. Южноафриканскому воину, который вплетает в свои черные кудри пучки крысиной шерсти, также кажется очевидным, что у него столько же шансов избежать попадания вражеского копья, сколько их у проворной крысы уклониться от брошенного в нее предмета. Поэтому, когда в данном регионе готовится война, на крысиную шерсть большой спрос. Древние индийские книги предписывают: когда надлежит принести жертву во имя победы, глину, из которой строится алтарь, следует брать с места, на котором валялся кабан, потому что этой земле передается мощь кабана. Если при игре на однострунной лютне вы чувствуете, что ваши пальцы деревенеют, нужно наловить длинноногих полевых пауков, сжечь их и натереть свои пальцы золой, это якобы сделает пальцы столь же гибкими и проворными, как конечности паука. По крайней мере, таково мнение галело. Чтобы возвратить беглого раба, араб чертил на земле магический круг, втыкал в его середину гвоздь и за нитку привязывал к нему жука, обращая внимание на то, чтобы пол жука соответствовал полу беглеца. Ползая вокруг гвоздя, жук наматывает на него нитку, все более сокращая привязь и приближаясь к центру. Хозяин раба уверен, что, подобно жуку, его беглый раб будет с помощью гомеопатической магии притянут к нему.

Туземец из Британской Новой Гвинеи, убив змею, сжигает ее и перед тем, как идти в лес, смазывает ее пеплом ноги: считается, что в течение нескольких дней после этого его не укусит ни одна змея. Древние греки думали, что употребление в пищу мяса соловья лишает сна; что стоит смазать глаза близорукого человека желчью орла, и он обретает орлиное зрение; что вороньи яйца возвратят черноту вороньего крыла серебряным волосам старика.

Индейцев-гуичолей восхищает прекрасный узор на спинах змей. Поэтому, когда женщина-гуичоль приступает к шитью или вышиванию, ее муж ловит большую змею и держит ее зажатой в расщепленной палке. Женщина сначала гладит пресмыкающееся рукой по всей его длине, потом проводит той же рукой по лбу и глазам, чтобы суметь вышить орнамент столь же прекрасный, как узор на спине змеи.

В соответствии с принципами гомеопатической магии считалось, что неодушевленные предметы, подобно животным и растениям, могут оказывать на окружающее как благотворное, так и вредное воздействие благодаря их внутренней природе или умению колдуна использовать при случае их свойства. В Самарканде женщины давали ребенку пососать леденец и смазывали его ладони клеем, чтобы, когда ребенок вырастет, его речи были сладкими и дорогие вещи «липли» к его рукам. Греки считали, что одежда, сшитая из шерсти овцы, которую задрал волк, будет причинять его носителю вред, вызывая у него чесотку или раздражение кожи. Они также придерживались мнения, что если камень, побывавший во рту у собаки, окунуть в вино, то это вызовет ссору между людьми, которые его выпьют. Бездетные арабские женщины из Моаба берут взаймы платье у многодетной женщины, надеясь вместе с ним приобрести плодovitость его владелицы. Кафры из Софалы (Восточная Африка) приходят в великий ужас от удара полым предметом, таким как тростник или соломинка, и предпочли бы быть побитыми толстой дубиной или железным прутом, хотя это более повредило бы их здоровью. Им кажется, что, если человека побьют чем-то полым, его внутренности будут чахнуть до тех пор, пока он не умрет. В восточных морях распространена разновидность больших раковин, которые буги-незцы на острове Целебес называют «стариками». По пятницам они ставят этих «стариков» на порог дома в полной уверенности, что всякий, кто ступит на порог, доживет до глубокой старости. Мальчик-брахман во время инициации должен наступить на камень правой ногой, повторяя такие слова: «Наступи на этот камень и будь тверд, как он». Тот же обряд с теми же словами совершается невестой брахмана при вступлении в брак. На острове Мадагаскар для противодействия непостоянству судьбы в основание тяжелой сваи, поддерживающей дом, нужно зарыть камень. Распространенный обычай клясться на камнях, возможно, основывается на вере в то, что мощь и прочность камня подкрепляют клятву. Так, датский историк Саксон

Грамматик¹¹ рассказывает, что, «когда древним предстояло выбирать царя, они обычно становились на вросший в землю камень и оттуда провозглашали свое решение; порукой тому, что решение прочно, была непоколебимость камня».

Считается, что в камнях пребывает магическая сила. Не только по причине их большого веса и прочности. Магические свойства приписываются отдельным камням в зависимости от их особой, специфической формы и окраски. К примеру, перуанские индейцы использовали одни виды камней для увеличения урожая маиса, другие – картофеля, третьи – для умножения скота. Камни, используемые для увеличения урожая маиса, напоминали по форме маисовые початки, а те, что якобы способствовали росту поголовья скота, имели форму барана.

Вера в то, что камни наделены чудодейственной силой, природа которой связывалась с формой камня, имеет хождение в некоторых районах Меланезии. Так, кусок обточенного водой коралла на морском берегу часто бывает поразительно похож на плод хлебного дерева. Житель Банксовых островов, нашедший такой коралл, зарывает его у корневища одного из своих хлебных деревьев в надежде на то, что это побудит дерево принести хороший урожай. Если эта надежда оправдывается, владелец камня за соответствующее вознаграждение принимает от соплеменников камни с менее выраженными чудодейственными свойствами и кладет их рядом со своим, чтобы те пропитались его магической силой. Считается также, что камень с небольшими кругами на поверхности хорош для умножения денег. Если же кто-то увидит большой камень, а под ним множество маленьких камешков, как поросят под опоросившейся свиньей, он не сомневается, что, положив на такой камень деньги, умножит число собственных поросят. В этих и подобных им случаях меланезийцы приписывают чудодейственную силу не самому камню, а пребывающему в нем духу. И иногда, как мы только что видели, человек стремится умиловить этот дух, возлагая на камень приношения. Но представление о нуждающихся в умиловлении духах лежит не в сфере магии, а в сфере религии. Когда (как в приведенном случае) такое представление встречается в связи с чисто магическими идеями и действиями, эти последние, как правило, являются главным стволем, к которому позднее было привито религиозное представление. Ведь есть веские основания полагать, что магия предшествовала религии в эволюции мышления. К этому вопросу мы еще вернемся.

Древние придавали большое значение магическим свойствам драгоценных камней. Очень вероятно, что люди использовали их в качестве амулетов задолго до того, как стали носить их как украшения. Так, греки называли древесным агатом камень, имеющий древесную окраску, и полагали, что, если два таких камня привязать к рогам или шеям запряженных в плуг быков, жатва наверняка будет обильной. Они же считали, что молочный камень способен вызывать у женщин обильное выделение молока, если его выпить растворенным в медовухе. Греки верили также в камень, который будто бы излечивал от укусов змей, поэтому они назывались змеиными. Чтобы проверить его действительность, рекомендовалось растереть этот камень в порошок и присыпать им рану от укуса. Аметист, камень винного цвета, обязан своим названием (которое означает «не пьяный») тому, что, как считалось в древности, носящий его человек всегда остается трезвым. Двум братьям, желавшим жить дружно, советовали носить на себе магниты, которые, «притягивая их», мешали бы им ссориться.

В древних обрядовых книгах индусов есть такое правило: в первую брачную ночь муж должен в молчании просидеть с молодой женой до того времени, когда на небе замерцают звезды. Как только взойдет Полярная звезда, муж указывает на нее жене и, обращаясь к звезде, говорит: «Ты так тверда, и я созерцаю тебя, твердую. Будь же твердой ты со мной, о цветущая!» Затем, обратившись к жене, он должен сказать: «Брихаспати дал мне тебя. Живи же со мной сто осеней и имей потомство от меня, от твоего мужа». Цель этого обряда ясна: попытаться

¹¹ Грамматик Саксон (1140 – ок. 1208) – датский хронист-летописец.

избежать переменчивости судьбы и непрочности земного блаженства, уповая на постоянство звезды. То же желание выражено в последнем сонете Джона Китса¹²:

Когда бы был я, яркая звезда, тверд, словно ты,
Не нависала бы в сиянье одиноком ночь в вышине.

Приморских жителей не может не волновать зрелище бесконечных приливов и отливов. Поэтому, опираясь на принципы грубой философии симпатии и сходства, которую мы здесь рассматриваем, они способны установить «невидимую взаимосвязь» и «тайную гармонию» между морскими приливами и отливами, с одной стороны, и жизнью человека, животных и растений – с другой. Эти люди видят в приливе не просто символ, а причину изобилия, процветания и жизни, тогда как в отливе им чудится причина и мрачный символ неудачи, бедствия и смерти. Бретонский крестьянин воображает, что посеянный во время прилива клевер будет расти хорошо, но, если посеять его при отливе или низкой воде, он якобы никогда не созреет, а питающиеся им коровы издохнут. Крестьянка же считает, что масло лучше всего сбивается в начале прилива; что молоко, пенящееся в маслобойке, будет продолжать пениться до тех пор, пока не спадет высокая вода; что вода, вынутая из колодца во время прилива, или молоко, выдоенное в это же время, «убежит» во время кипячения из горшка или кастрюли.

По мнению древних, даже после того, как шкура тюленя отделена от туши, она пребывает в тайной связи с морем и якобы собирается складками во время отлива. Другое античное верование, идущее, как утверждают, от Аристотеля, гласило: любое живое существо умирает только при отливе. Если верить Плинию, относительно людей это верование многократно находило опытное подтверждение на побережье Франции. Филострат также уверяет нас, что в Кадизе умирающие никогда не выпускали дух при высокой воде. Тот же предрассудок все еще сохраняется в некоторых частях Европы. Жители Кантабрийского побережья думают, что от хронической болезни или скоропостижно люди умирают именно в тот момент, когда прилив начинает отступать. В Португалии, на всем побережье Уэльса и на побережье Бретани, говорят, имеет хождение верование, что, когда вода прибывает, люди рождаются, а когда вода убывает, люди умирают. Существование того же суеверия в Англии засвидетельствовано Чарльзом Диккенсом. «На побережье люди умирают не иначе, – говорит г-н Пеготти, – как если вода совсем сходит на нет. И не рождаются, покуда прилив не войдет в силу, то есть до того, пока не поднимется вода». Мнения, что большинство смертей случается при отливе, придерживаются на всем восточном побережье Англии от Нортумберленда до Кента. Шекспир, вероятно, был хорошо знаком с этим суеверием, потому что заставил Фальстафа умереть «как раз между двенадцатью и часом, покуда начинается отлив». С этим поверьем мы сталкиваемся также на тихоокеанском побережье Северной Америки у индейцев хайда. Когда мужчина из племени хайда находится при смерти, он видит каноэ, на веслах которого сидят его умершие друзья. Оно приплывает вместе с приливом, чтобы передать ему привет из страны духов. «Иди с нами, – говорят друзья, – вот-вот начнется отлив, и мы должны уходить». Туземцы Порт-Стифенса (Новый Южный Уэльс) хоронят мертвых только при приливе, так как считают, что иначе отливающая вода занесет дух усопшего в далекую чужую страну.

Чтобы обеспечить себе долгую жизнь, китайцы прибегают к сложным колдовским приемам. Они улавливают магическую силу, истекающую якобы в соответствии с гомеопатическими принципами от времен года, людей и вещей. Проводником этих благоприятных воздействий является не что иное, как саван. Многие китайцы готовят себе саван при жизни. Скроить и сшить его большинство из них поручает незамужним девушкам и молодым женщинам, считывая на то, что, поскольку портниха проживет еще много лет, часть ее жизненной силы,

¹² Китс Джон (1795–1821) – английский поэт-романтик.

конечно, должна перейти на саван и таким образом отсрочить на много лет тот момент, когда он будет использован по назначению. Одежду покойника предпочитают шить в високосный год, так как для китайца кажется очевидным, что сшитый в длинный год саван будет в большей степени обладать способностью продлевать жизнь. Особенно много усилий шло на то, чтобы наделить этим бесценным качеством одну часть погребального одеяния – длинное шелковое платье глубочайшего синего цвета со словом «долговечность», вышитым золотыми нитками. Подарить пожилому человеку одну из таких дорогих, прекрасных мантий, известных под названием «одеяния долговечности», считается у китайцев актом сыновней почтительности и внимания. Так как такое одеяние предназначено для того, чтобы продлить жизнь его владельца, тот часто, особенно в торжественных случаях, надевает его, чтобы благодатное воздействие вышитого золотыми иероглифами одеяния сказалось на нем в полной мере. Прежде всего он не упустит возможности надеть его в день рождения, так как здравый смысл побуждает китайцев создавать в день своего рождения запас жизненной энергии, расходуемой в течение остальной части года. Одетый в роскошное облачение, каждой частицей своего тела поглощающий его благодатное воздействие, счастливый «именинник» охотно принимает поздравления друзей и родственников, которые выражают ему свое восхищение великолепными погребальными одеждами и почтительностью его детей, которые преподнесли столь прекрасный и полезный подарок.

Положение «подобное производит подобное» находит еще одно применение в китайском веровании, согласно которому на судьбу городов глубокое влияние оказывает их форма. Судьба эта находится якобы в зависимости от характера предмета, с которым форма города больше всего сходна. По преданию, древний город Цынчэ-фу, очертания которого напоминали форму карпа, часто становился жертвой опустошительных набегов со стороны жителей соседнего города Юнчунь, похожего по форме на рыболовную сеть. Это продолжалось до тех пор, пока жителям Цынчэ-фу не пришла в голову счастливая мысль возвести в центре две высокие пагоды. Эти до сих пор возвышающиеся над городом пагоды оказали самое благое влияние на его судьбу, «не позволяя» воображаемой сети опуститься и запутать воображаемого карпа. Сорок лет тому назад¹³ шанхайские мудрецы приложили много усилий к тому, чтобы установить причину одного местного восстания. После тщательного расследования они признали, что причиной восстания была форма большого нового храма: к великому сожалению, храм был построен в форме черепахи, животного с весьма дурным, по их убеждению, нравом. Трудность была нешуточной, а меры по предупреждению опасности требовались безотлагательные. Снести храм было неблагочестиво, а оставить его в том же виде значило накликасть на город подобные, а может быть, и худшие бедствия. Но гений местных знатоков геомантии блестяще преодолел эту трудность и отвел опасность от города. Наполнив водой два колодца, символизировавшие глаза черепахи, шанхайские мудрецы тут же «ослепили» пользующееся дурной репутацией животное и таким образом сделали его неспособным приносить несчастья в будущем.

Иногда к гомеопатической магии прибегают, чтобы предотвратить зло путем подражания ему. Так стремятся перехитрить судьбу, подменив настоящее бедствие мнимым. На Мадагаскаре эта игра в прятки с судьбой возведена в систему. Судьба каждого человека, по местным верованиям, определяется днем и часом его рождения, и, окажись они несчастливými, бед, грозящих этому человеку, можно избежать лишь путем их «извлечения» и «замены». Извлечь несчастье можно по-разному. Если, к примеру, человек родился в первый день второго месяца (февраля), то, когда он вырастет, у него, по поверью, обязательно сгорит дом. Друзья новорожденного стремятся заранее отвести эту катастрофу: они строят в поле или в загоне для скота сарай и сжигают его. Чтобы обряд возымел должное действие, мать с новорожденным

¹³ То есть в начале 80-х годов XIX века.

следует посадить в сарай, поджечь его, а затем вытащить их оттуда, пока сарай не обрушился. Дожливый ноябрь считается на Мадагаскаре месяцем слез. Ребенок, появившийся на свет в ноябре, рожден для горя. Чтобы рассеять грозовые тучи, собирающиеся над его будущим, он должен всего лишь снять крышку с кипящего горшка и потрясти ею во все стороны. Падающие с крышки капли оплачут его судьбу, и ему самому уже не придется лить слезы. Если девушке «написано на роду» увидеть со скорбью, как ее будущие дети сойдут в могилу раньше ее, она может отвести от себя это горе следующим образом. Убив кузнечика, девушка заворачивает его в тряпку, изображающую саван. Она безутешно плачет над ним, как Рахиль над своими детьми. После этого она ловит еще дюжину других кузнечиков и, переломив у них ноги и крылья, кладет их рядом сдохлым. Стрекотание изуродованных насекомых, судорожные движения их искалеченных членов символизируют пронзительные крики и конвульсии плакальщиц на похоронах. Похоронив дохлого кузнечика, девушка оставляет остальных в живых, чтобы они продолжали оплакивание до тех пор, пока смерть не избавит их от мучений. Завязав в узел волосы, она возвращается с могилы погребенного ею кузнечика в селение с видом человека, убитого горем. С этого дня она уже радостно смотрит в будущее и не сомневается, что дети переживут ее: ведь нельзя же оплакивать и хоронить их дважды. Если человек от рождения обижен судьбой, которая отметила его печатью бедности, он может легко избавиться от этого клейма. Для этого достаточно купить пару дешевых жемчужин стоимостью в полтора пенса и зарыть их в землю. Ведь только поистине богатые люди могут позволить себе роскошь сорить жемчужинами!

Контагиозная магия

До сих пор мы рассматривали главным образом одну отрасль симпатической магии – магию гомеопатическую, или имитативную. Ее основной принцип – подобное производит подобное или, другими словами, следствие похоже на свою причину. Другая разновидность магии, которую мы назвали магией контагиозной, исходит из того, что вещи, единожды находившиеся в соприкосновении, должны, будучи разъединенными, оставаться в симпатическом отношении. Что бы ни произошло с одной из них, то же должно произойти и с другой. Логической предпосылкой как контагиозной, так и гомеопатической магии является ложная ассоциация идей. Ее физическая основа (если о существовании таковой вообще можно говорить) – это материальная среда, которая якобы соединяет отдаленные предметы и передает их воздействия друг на друга. Самый привычный пример контагиозной магии – магическая симпатия, якобы существующая между человеком и частями его тела, волосами или ногтями. Тот, кто имеет у себя чьи-то волосы или ногти, может будто бы на любом расстоянии навязать свою волю их владельцу. Предвзвешенность этот распространен по всему миру. Ниже мы проиллюстрируем его на примерах.

У австралийских аборигенов во время обрядов инициации, которым каждый юноша должен подвергнуться, прежде чем он получит права и привилегии взрослого мужчины, бытует обычай выбивать один или несколько передних зубов. Происхождение и сущность этого обычая неясны. В данном случае нас интересует лишь вера туземцев в то, что после извлечения зуба из челюсти юноши между ним и его бывшим «владельцем» продолжает существовать симпатическая связь. Поэтому у некоторых племен района реки Дарлинг (Новый Южный Уэльс) выбитый зуб засовывали под кору дерева, растущего около реки или ямы с водой. Если зуб зарастал корой или падал в воду, причин для беспокойства не было. Но если он выступал наружу и по нему бегали муравьи, то юноше, по убеждению туземцев, грозила болезнь полости рта. Мурринг и другие племена Нового Южного Уэльса сначала препоручали хранение выбитого зуба одному из стариков. Затем он переходил от одного старейшины к другому, пока, обойдя по кругу всю общину, не возвращался к отцу юноши и, наконец, к самому юноше. При этом ни один из тех, у кого хранился зуб, не должен был класть его в мешок с «магическими

предметами»; считалось, что в противном случае владелец зуба окажется в большой опасности. Хранителем зубов, выбитых у юношей во время инициации, был однажды покойный д-р Хоуитт. Старейшины племени настоятельно просили его не носить их в мешке, в котором, как им было известно, он хранил кристаллы кварца. Если он это сделает, говорили они, магия кристаллов перейдет на зубы и причинит вред юношам. Спустя почти год после получения зубов на хранение Хоуитта посетил один из вождей племени мурринг. Он прошел 400 километров, чтобы забрать у него эти зубы. Пришедший объяснил, что один из юношей заболел, и туземцы решили, что зуб получил какое-то повреждение, которое отразилось на здоровье юноши. Посланца заверили, что зуб хранился в коробке отдельно от всех предметов (например, от кварца), которые могли на него подействовать. После этого мурринг возвратился домой, принеся с собой тщательно завернутые зубы.

Басуты тщательно прячут вырванные зубы, чтобы они не попали в руки мифических существ, которые, согласно их верованиям, посещают могилы и могут магическим путем повредить владельцу зуба. Много лет тому назад¹⁴ одна служанка в графстве Сассекс настоятельно советовала не выбрасывать выпавшие детские зубы. Если, утверждала она, зуб найдет и изложет животное, новый зуб ребенка наверняка будет похож на зуб животного. В доказательство она ссылалась на некоего старика Симмонса, у которого из верхней челюсти торчал большой свиной клык. Дефектом этим, как утверждал сам старик, он был обязан своей матери, которая случайно выбросила один из его выпавших зубов в корыто для свиней. Это верование вело к действиям, направленным на то, чтобы с помощью гомеопатической магии заменить плохие старые зубы новыми крепкими зубами. Многие народы кладут вырванный или выпавший зуб в такое место, где его может найти крыса или мышь, в надежде на то, что благодаря симпатической связи, продолжающей существовать между зубами и их прошлым владельцем, его зубы станут столь же крепкими и прочными, как зубы этих грызунов. Почти все немецкие крестьяне придерживаются мнения, что вырванный зуб нужно засунуть в мышиную нору. Считается, что если поступить так с выпавшим у ребенка молочным зубом, то он на всю жизнь будет избавлен от зубной боли. Или же владельцу выпавшего зуба нужно зайти за печь и перебросить зуб через голову, приговаривая: «Дай мне, мышка, твой железный зуб. На, возьми мой зуб костяной». После этого у него будут отличные зубы. Когда на острове Раратонга в Тихом океане у ребенка выпадал зуб, туземцы произносили следующее заклинание:

Большая и малая крысы!
Вот он, старый зуб,
Прошу вас дать мне новый.

Затем зуб забрасывали на соломенную крышу дома, потому что в подгнившей соломе обычно устраивают себе гнездо крысы. К крысам в таких случаях туземцы обращались потому, что считали крысиные зубы самыми крепкими.

Существуют также поверья, что и другие части и органы тела, будучи физически отделены от человека, пребывают с ним в симпатической связи. К таковым, например, относят пуповину и плаценту (детское место). Связь эта считается столь тесной, что часто судьба человека на протяжении всей жизни связывается с их судьбой. Жизнь ребенка сложится благополучно, если пуповина или плацента находятся в сохранности. Если же им наносят повреждения или теряют их, страдает и ребенок. Так, аборигены Западной Австралии верят, что человек будет хорошим или плохим пловцом в зависимости от того, оросила мать при рождении его пуповину водой или нет. У туземцев района реки Пенфатер (Квинсленд) бытует поверье, что часть души ребенка остается в последе. Поэтому бабушка ребенка уносит послед и зарывает

¹⁴ Речь идет о середине XIX века.

его в песок. Место это она отмечает кольцом из воткнутой в песок ветвей; вершины ветвей она связывает так, что по форме сооружение напоминает конус. Когда Анжеа – существо, которое якобы делает женщину беременной, помещая в ее утробу младенца, вылепленного из грязи, – проходит мимо этого места, оно извлекает душу из последа и уносит ее в одно из своих убежищ (в дупло, углубление в скале или лагуну), где она остается на годы. Но рано или поздно Анжеа возвращает душу ребенку, и тот как бы вторично рождается на свет. На одном из Каролинских островов (о. Понапе) пуповину кладут в раковину и обращаются с ней так, чтобы как можно лучше подготовить ребенка к тому роду деятельности, который избрали для него родители. Например, если родители хотят сделать из него мастера лазить по деревьям, пуповину подвешивают на дерево. Жители острова Кен видят в пуповине брата или сестру новорожденного (в зависимости от его пола). Они кладут ее в горшок с золой, который помещают в ветвях дерева так, чтобы она могла оттуда бдительно следить за судьбой ребенка. У батаков с острова Суматра и у многих других народов островов Индийского океана послед слышет младшим братом или сестрой ребенка (пол определяется в зависимости от пола ребенка), и его зарывают под домом. По поверью батаков, от него зависит благоденствие ребенка, он является обиталищем переходящей души, о которой мы поговорим позднее. Каробатаки уверены, что настоящей из двух имеющихся у человека душ является та, которая пребывает под домом вместе с последом: эта-то душа, по их словам, и дает ребенку жизнь.

Баганда верят, что каждый человек рождается на свет с двойником, и этого двойника они отождествляют с последом. Мать зарывает послед у подножия бананового дерева, которое становится, таким образом, священным до тех пор, пока его плоды не созреют и их не сорвут для священного семейного праздника. Чероки погребают пуповину девочки под ступой для зерна, чтобы она выросла хорошей стряпухой: пуповину же мальчика они вешают в лесу на дерево, чтобы он стал ловким охотником. Перуанские инки сохраняли пуповину с величайшей тщательностью и давали ее сосать ребенку, когда тот заболел. В Древней Мексике пуповину мальчика обычно отдавали воинам, и они зарывали ее на поле битвы, чтобы мальчик стал воином. Пуповину же девочки зарывали рядом с домашним очагом: считалось, что это возбудит в ней любовь ко всему домашнему и вкус к приготовлению пищи.

Многие европейцы до сих пор верят, что судьба личности так или иначе связана с судьбой пуповины или детского места. Так, в прирейнской области Баварии пуповину на некоторое время заворачивают в кусок старого холста, а затем в зависимости от пола ребенка разрезают на части или протыкают, чтобы мальчик вырос умелым работником, а девочка – хорошей швеей. В Берлине повивальная бабка обычно отдает высушенную пуповину отцу ребенка со строгим наказом бережно хранить ее; ведь пока она сохраняется в целостности, ребенок будет жить и здравствовать. В Босе и Перше (Франция) пуповину никогда не бросают в воду или в огонь, так как боятся, что в этом случае ребенок утонет или сгорит.

Таким образом, многие народы считают пуповину, а еще чаще детское место живым существом, братом или сестрой ребенка, или предметом, в котором пребывает дух-хранитель ребенка или часть его души. Вера в симпатическую связь, существующую якобы между человеком и его последом или пуповиной, находит прямое выражение в распространенном обычае обращаться с детским местом или с пуповиной так, чтобы оказать влияние на характер и род деятельности человека. Таким образом, верования и обычаи, связанные с детским местом (в меньшей степени с пуповиной), находятся в полном соответствии с широко распространенным представлением о передающейся, или внешней, душе и основанными на нем обычаями. Можно с основанием предположить, что это сходство является не просто случайным совпадением и что в детском месте, или плаценте, мы имеем (возможно, не единственное) физическое основание представлений о внешней душе и связанных с ней обычаях. Этот вопрос мы рассмотрим в дальнейшем.

Любопытным приложением доктрины контагиозной магии является вера в связь, которая якобы существует между раненым человеком и предметом, которым была нанесена рана: то, что впоследствии происходит с этим предметом, оказывает якобы соответствующее влияние на пострадавшего. Если, пишет Плиний, вы сожалеете о том, что ранили человека, то стоит вам поплевать на нанесшую рану руку, и его страдания мгновенно облегчатся. Если в Меланезии друзья мужчины овладевают ранившей его стрелой, они держат ее в сыром месте или завернутой в прохладных листьях, в таком случае, считают они, воспаление от раны будет пустяковым и скоро пойдет на убыль. Тем временем выпустивший стрелу враг, напротив, прилагает усилия к тому, чтобы сделать рану более тяжелой. С этой целью он и его друзья пьют горячие, жгучие настои и жуют вызывающие раздражение листья, что, по их убеждению, должно привести к воспалению и раздражению раны. Далее, они держат лук рядом с огнем, чтобы сделать рану, нанесенную выпущенной из него стрелой, более болезненной. С той же целью они кладут в огонь острые стрелы (если оно у них есть). Они также стараются держать тетиву лука натянутой и время от времени издают ею резкий звук, считая, что это заставляет раненого страдать от нервного напряжения и приступов столбняка. «Нас постоянно уверяют, – писал Фрэнсис Бэкон, – что смазывание оружия, которым была нанесена рана, излечивает саму рану. В изложении заслуживающих доверия людей (хотя сам я пока не совсем склонен в это верить) нужно обратить внимание на следующее: во-первых, необходимая для этого мазь приготавливается из ингредиентов, наиболее странными и труднодоступными из которых являются: мох с черепа мертвого, но незахороненного человека и жир ребенка или медведя, убитого во время совокупления». Ценная мазь, состоящая из этих и подобных ингредиентов, прикладывалась, по свидетельству философа, не к ране, а к оружию. При этом сам раненый человек находился на значительном расстоянии и ничего об этом не знал. В виде эксперимента пробовали, по словам Бэкона, стирать мазь с оружия так, чтобы сам раненый об этом не знал. В результате у него якобы тут же наступал сильный приступ боли, который продолжался до тех пор, пока оружие снова не смазывали. Более того, «некоторые утверждают, что если вы не можете достать само оружие, то вложите в рану железный или деревянный инструмент, напоминающий по форме оружие, чтобы вызвать кровотечение раны, и смазывание этого инструмента возымеет то же действие». В графствах Восточной Англии и ныне по-прежнему пользуются спросом лечебные средства, которым уделил внимание Бэкон. Так, если житель графства Суффолк порежется садовыми ножницами или косой, он до блеска натирает этот инструмент и смазывает его, чтобы избежать загноения раны. Если крестьянин уколет руку шипом, он смазывает извлеченный шип маслом или жиром. Как-то к врачу пришел человек с воспаленной раной на руке, которую он при сооружении изгороди поранил шипом. Когда ему сказали, что рана нагноилась, он ответил: «Этого не должно было случиться. Ведь я смазал шип жиром сразу же после того, как вынул его». Если лошадь наступит на гвоздь и поранит себе ногу, суффолкский конюх хранит этот гвоздь, чтобы рана не нагноилась, и каждый день смазывает его. Чернорабочие из графства Кембриджшир думают, что, если лошадь наступила на гвоздь, нужно вынуть его, смазать свиным салом или маслом и положить в надежное место. В противном случае лошадь не поправится. Как-то один крестьянин послал за врачом-ветеринаром, чтобы тот осмотрел лошадь, которая раскроила себе бок о крюк воротного столба на ферме. По прибытии на ферму врач заметил, что для раненой лошади ничего сделано не было, а хозяин был занят выламыванием крюка из воротного столба, чтобы иметь возможность смазать его и отложить в сторону, что, по мнению кембриджских мудрецов, поведет к выздоровлению животного. Эссекские крестьяне также полагают, что, если человек получил удар ножом, для его выздоровления важно, чтобы нож был смазан и положен поперек кровати, на которой лежит раненый. В Баварии вам посоветуют смазать жиром полотняную тряпку и привязать ее к лезвию ранившего вас топора, стараясь при этом держать его лезвием кверху. По мере того как жир на топоре высыхает, ваша рана залечивается. В горах Гарца жители говорят, что если вы порезались, то должны смазать

нож или ножницы жиром и отложить инструмент в сухое место во имя Отца и Сына и Святого Духа. Как только нож высохнет, излечится и рана. Жители же других областей Германии считают, что вы должны воткнуть нож в сырую землю и ваша рана вылечится по мере того, как нож покроется ржавчиной. Баварцы же советуют смазать топор или другое оружие кровью и положить его под карниз.

Еще один шаг вперед по сравнению с английскими и немецкими крестьянами и туземцами Америки и Меланезии делают аборигены Центральной Австралии. По их мнению, чтобы раненый выздоровел, его близкие родственники должны смазывать свое тело жиром, ограничивать свой рацион и определенным образом регулировать свое поведение. Так, пока рана подростка не зажила после обрезания, его мать не может употреблять в пищу мясо опоссума, определенную разновидность ящериц, козловую змею и любой вид жира. Эта еда якобы может задержать заживание раны мальчика. Она ежедневно смазывает палки для копания и ни на минуту не выпускает их из виду; ночью она кладет их в изголовье. Дотрагиваться до них не позволено никому. Каждый день мать мальчика растирает свое тело жиром, ибо считается, что это содействует выздоровлению ее сына. Другой утонченный прием, основанный на том же принципе, изобретен немецкими крестьянами. Когда одна из свиней или овец баварского или гессенского крестьянина ломает ногу, он накладывает повязку и шину на ножку стула. После этого несколько дней никому не позволено сидеть на этом стуле, передвигать его или спотыкаться об него: это-де причинит боль раненой свинье или овце и помешает ее выздоровлению. В последнем случае мы явно перешли из области контагиозной магии в область магии гомеопатической, или имитативной. Ножка стула, которую лечат вместо ноги животного, никоим образом животному не принадлежит, и наложение на нее повязок является чистой имитацией лечения, которому рациональная хирургия подвергла бы настоящего больного.

Воображаемая симпатическая связь между человеком и ранившим его оружием, возможно, основывается на том представлении, что кровь на оружии продолжает оставаться в родстве с кровью раненого. По подобной же причине папуасы с острова Тумлео, неподалеку от Новой Гвинеи, стараются выбросить в море окровавленные повязки, которыми перевязывали их раны, из страха, что если эти тряпки попадут в руки врагов, те могут с помощью оных причинить им вред. Когда один человек, раненный в рот – его рана, не переставая, кровоточила, – обратился за врачебной помощью к миссионерам, его жена постаралась собрать кровь и выбросить ее в море.

Какой бы искаженной и неестественной ни казалась нам эта идея, она не так неестественна, как вера в то, что магическая связь сохраняется между человеком и его одеждой, так что все случившееся с одеждой якобы отражается и на самом человеке, даже если в это время он находится далеко. Чтобы наслать на какого-нибудь человека болезнь, колдун племени вотжобалук (штат Виктория, Юго-Восточная Австралия) крадет у него накидку из шкуры опоссума и медленно поджаривает ее на огне; от этого якобы владелец накидки заболевает. Если колдун соглашается разрушить чары, он возвращает накидку друзьям больного, наказывая положить ее в воду, «чтобы смыть огонь». После этого больной чувствует будто бы освежающую прохладу и выздоравливает. На острове Танна (Новые Гебриды) человек, имевший зуб на другого человека и желавший его смерти, пытался заполучить одежду, которая пропиталась потом врага. Если это ему удавалось, он тщательно натирал одежду листьями и ветвями определенного дерева, затем связывал одежду, ветки и листья в удлиненный сверток, по форме напоминающий сосиску, и медленно сжигал его на огне. При этом он был уверен, что, пока сверток прогорает, жертва заболевает, а когда он превращается в пепел, она умирает. Можно предположить, что при этой форме колдовства магическая симпатия имела место не столько между человеком и одеждой, сколько между человеком и потом, которым было покрыто его тело. Но в других случаях того же рода и одежды самой по себе считалось достаточно для того, чтобы колдун овладел своей жертвой. Когда у поэта Феокрита колдунья растапливала

изображение или кусок воска, чтобы ее неверный любовник также растаял от любви к ней, она не забыла бросить в огонь клочок плаща, который тот по рассеянности оставил в ее доме. Жители Пруссии говорили, что, если вы не можете поймать вора, нет ничего лучшего, как взять одежду, которую тот потерял во время бегства: если вы ее изрядно поколотите, вор заболеет. Это верование пустило глубокие корни в уме народа. В начале XIX века в окрестностях города Беренда одного человека застигли при попытке украсть мед. Тот убежал, но не успел захватить с собой свою одежду. Когда он узнал, что разгневанный собственник меда колотит его одежду молотком, он пришел в такое смятение, что слег в постель и умер.

Многие верят, что с помощью магии можно симпатически воздействовать на человека не только через одежду и остриженные волосы и ногти, но также через следы, оставленные им на песке или на земле. По всему миру распространено, в частности, поверье, согласно которому, повредив следы, вы наносите вред оставившим их ногам. Туземцы в Юго-Восточной Австралии верят, что они могут, положив на отпечатки ног острые куски кварца, стекла, кости или древесного угля, сделать человека хромым. Заметив, что человек из племени татунголунг сильно хромает, доктор Хоуитт спросил его, в чем дело. Тот ответил: «Кто-то положил на мою ступню бутылку». На самом деле он страдал от ревматизма, но считал, что враг нашел отпечаток его ноги и воткнул в него осколок разбитой бутылки; это магическое действие и вызвало боль в ноге.

У разных народов Европы бытуют приемы того же рода. У мекленбуржцев считается, что, если вы вгоните гвоздь (иногда требуется, чтобы этот гвоздь был выдернут из гроба) в оставленный человеком след, тот охромееет. К этому же способу нанесения вреда прибегают и в некоторых областях Франции. Рассказывают, что в городе Стоу (графство Суффолк) часто появлялась женщина-колдунья. Если кто-то шел за ней и втыкал в ее следы гвоздь или нож, пожилая дама якобы не могла двинуться с места, пока его не вынимали. У южных славян девушка берет землю из-под следов своего возлюбленного и наполняет ею цветочный горшок. Она сажает в него бархатцы – цветы, которые считаются неувядающими. Она верит, что, подобно тому, как растут, цветут и не увядают эти золотистые цветы, будет неувядающей и любовь ее милого. Предполагается, что любовные чары подействуют на юношу через посредство земли, по которой он ступал. На ту же идею симпатической связи между человеком и отпечатками его ног опирались древние датчане при заключении договоров: в залог верности договаривающиеся стороны окропляли следы друг друга собственной кровью. И в Древней Греции были в ходу суеверия такого же рода. Там, например, считалось, что лошадь, наступившая на след волка, не сможет больше ржать. А изречение, приписываемое Пифагору, запрещало протыкать отпечатки ног человека гвоздем или ножом.

Во многих частях света это суеверие используется охотниками с целью загнать дичь. Так, немецкий охотник втыкает извлеченный из гроба гвоздь в свежий след преследуемой дичи в уверенности, что это помешает животному скрыться. Австралийские аборигены в штате Виктория кладут с этой же целью на следы преследуемых зверей горячие головни. Охотники-готтентоты бросают в воздух горсть песка, взятого со следов, оставленных дичью, полагая, что это свалит животное. Индейцы племени реки Томпсон клали на следы раненого оленя амулеты, после чего в этот день считалось уже излишним продолжать преследование: ведь околдованный олень далеко не убежит и скоро умрет. Индейцы оджибве клали на след выслеженного ими оленя или медведя зелье, считая, что, даже если животное находится сейчас от них в двух-трех днях ходьбы, оно вскоре окажется в пределах досягаемости. Охотники племени эвэ из Западной Африки протыкают следы дичи заостренной палкой, веря, что это нанесет животным увечье и позволит их догнать.

Хотя след от ноги наиболее заметен, он не единственный отпечаток человеческого тела, через который на человека можно оказать магическое влияние. Аборигены Юго-Восточной Австралии верят, что человеку можно нанести вред, если утыкать острыми кусками кварца,

стекла и т. д. отпечаток, оставленный его телом в лежачем положении; магическая сила этих острых предметов проникает в тело и причиняет те острые боли, которые «невежественный» европеец считает ревматическими. Теперь мы понимаем, почему пифагорейцы придерживались того мнения, что, поднимаясь с постели, следует разгладить след, оставленный телом на постельном белье. Это предписание есть не что иное, как древняя мера предосторожности против магии, часть целого кодекса суеверий, который античность приписывала Пифагору, хотя нет сомнения в том, что греки были знакомы с ними задолго до этого философа.

Этапы становления мага

Вот мы и закончили исследование общих принципов симпатической магии. Примеры, с помощью которых мы их проиллюстрировали, были большей частью позаимствованы из области так называемой частной магии, то есть из области магических обрядов и заклинаний, направленных на принесение пользы или вреда отдельным лицам. Но в первобытном обществе мы обычно обнаруживаем и так называемую общественную магию, практикуемую на благо всей общины. В таких случаях маг становится как бы общественным должностным лицом. Образование такой категории должностных лиц имело большое значение для развития общества в политическом и религиозном плане. Ведь когда благополучие всего племени ставится в зависимость от исполнения магических обрядов, колдун становится влиятельным и уважаемым лицом и может без труда добиться ранга вождя или короля. Неудивительно, что этот род занятий привлекает внимание наиболее способных и честолюбивых членов племени, так как в перспективе эта карьера, как никакая другая, сулила почет, богатство и власть. Самые смысленные из них начинают понимать, как легко можно одурачивать своих более доверчивых собратьев и обращать себе на пользу их суеверия. Это не значит, что колдун всегда плут и обманщик. Часто он бывает искренне убежден в том, что действительно обладает той удивительной силой, которой его наделяет легкое верие соплеменников. Но чем он проникательнее, тем более вероятно, что он распознает заблуждения, которые соблазняют людей менее зорких. Способнейшие представители этой профессии, должно быть, становятся более или менее сознательными обманщиками. Именно эти люди благодаря выдающимся способностям обычно добиваются наибольшего почета и наивысшей власти. На пути профессионального колдуна расставлено много западней, и, как правило, только человек с очень холодным рассудком и цепким умом может безопасно их миновать. Следует учитывать, что всякое заявление или требование мага как таковое ложно. Ни одно из них нельзя отстаивать без помощи сознательного или бессознательного обмана. Следовательно, колдун, который искренне верит в свои «необычайные» способности и возможности и обосновывает ими свои непомерные претензии, подвергается куда большей опасности. Поэтому более вероятно, что карьеру сделает не он, а преднамеренный обманщик. Честный кудесник ожидает, что его чары и заклинания возымеют предполагаемое действие, поэтому, когда он терпит неудачу, гибельную неудачу, которую, как это часто случается, нельзя скрыть, он бывает застигнут врасплох. В отличие от своего коллеги-плута, он не держит наготове благовидное оправдание для этой неудачи, а пока он его подыщет, разочарованные и обозленные соплеменники успеют свернуть ему шею.

На данной ступени общественного развития высшая власть, как правило, попадает в руки людей наиболее проникательных и наименее разборчивых в средствах. Если бросить на одну чашу весов вред, причиненный их плутовством, а на другую – выгоды от их прозорливости, может статься, что хорошее намного перевесит плохое. В этом мире, по-видимому, больше бед натворили честные глупцы на высоких постах, чем умные мошенники. Хитрый мошенник, как только он удовлетворил честолюбие, не преследует более никакой корыстной цели и может (что он часто и делает) обратить свои способности, опыт и возможности на службу обществу. Многие из тех, кто проявил менее всего щепетильности при захвате власти – будь эта желанная власть властью денег, политической властью или чем-то другим, – употребили

ее самым благодетельным образом. Коварный интриган, жестокий победитель может кончить свой век мудрым и великодушным правителем, благословляемым при жизни, оплакиваемым после смерти, вызывающим восхищение и похвалы потомства. Наиболее значительные примеры тому – Юлий Цезарь¹⁵ и Октавиан Август¹⁶. Величайшего бедствия в истории Англии – разрыва с Америкой – могло бы не произойти, если бы король Георг III (1760–1820) не был глупым, хоть и честным малым.

Занятие общественной магией – поскольку оно оказывало влияние на устройство первобытного общества – способствовало передаче контроля над делами общины в руки наиболее способных людей. В результате демократия сменилась монархией, точнее олигархией старейшин. Первобытной общиной управляло чаще всего не собрание всех взрослых членов племени мужского пола, а совет старейшин. Каковы бы ни были причины такого положения дел и характер первых правителей, это изменение в целом было весьма благоприятным. Возникновение монархии представляется важным условием выхода человечества из стадии дикости. Ибо нет существа более стесненного обычаями и традицией, чем дикарь при первобытном демократическом правлении. Ни при одном общественном строе прогресс не протекал столь медленно и трудно, как в условиях первобытной демократии. Старое представление о дикаре как о свободнейшем из людей противоречит истине. Он – раб, но раб не какого-то отдельного господина, а раб прошлого, духов умерших предков, которые преследуют его от рождения до смерти и правят им железной рукой. Деяния предков являются для него настоящим неписанным законом, которому он слепо, без рассуждений повинуется. В такой ситуации одаренные люди почти не имеют возможности заменить древние обычаи лучшими. Наиспособнейший человек тащится за слабейшим и глупейшим, которого он по необходимости берет за образец, потому что последний не может подняться, а первый может упасть. Поскольку естественное неравенство и огромные различия во врожденных способностях сводились в такого рода обществах к поверхностной лживой видимости равенства, внешняя сторона жизни первобытной общины представляет собой абсолютно монотонный ландшафт. Поэтому если иметь в виду действительное благо общества, то заслуживает одобрения все, что, давая таланту возможность выдвигаться и приводя таким образом обладание властью в соответствие с естественными способностями людей, помогло обществу выйти из того неразвитого и косного состояния, которое демагоги и мечтатели позднейших времен прославляли как золотой век и идеальное состояние человечества.

Как только эти движущие силы вступают в действие (а их нельзя подавлять бесконечно), прогресс цивилизации становится сравнительно быстрым. Сосредоточение высшей власти в руках одного человека дает ему возможность за время своей жизни провести такие преобразования, которые не смогли осуществить целые предшествующие поколения. А если к тому же это человек незаурядного ума и энергии, он легко воспользуется представившимися ему возможностями. Даже прихоти и капризы тирана могут оказаться полезными и разорвать цепь, которой обычай столь сильно сковывает дикаря. Едва лишь племенем перестают управлять нерешительные, раздираемые внутренними противоречиями советы старейшин и власть переходит к одному сильному и решительному человеку, оно начинает представлять угрозу для своих соседей и вступает на путь захватов, которые на ранних ступенях истории нередко благоприятствуют общественному, промышленному и умственному прогрессу. Расширяя свою власть отчасти силой оружия, отчасти путем добровольного подчинения более слабых племен, это племя в скором времени приобретает богатство и рабов, которые, освобождая целые классы людей от постоянной борьбы за выживание, дают им возможность посвятить себя бескорыст-

¹⁵ Цезарь Гай Юлий (102 или 100–44 до н. э.) – римский государственный и политический деятель, полководец, писатель.

¹⁶ Октавиан Август (63 до н. э. – 14 н. э.) – римский император (с 27 до н. э.).

ному приобретению знаний – этого благороднейшего и сильнейшего орудия – с целью улучшить жребий человека.

Интеллектуальный прогресс, который выражается в развитии науки и искусства и в распространении более свободных взглядов, неотделим от промышленного и экономического прогресса, а этот последний, в свою очередь, получает мощный толчок от военных побед и завоеваний. Не случайно самые мощные взрывы интеллектуальной активности человека следовали по пятам за победами, и для развития и распространения цивилизации больше всего делали, как правило, расы победителей. Таким путем в мирное время они залечивали раны, нанесенные войной. Свидетелями таких взрывов в прошлом были вавилоняне, греки, римляне, арабы. Если подняться к истокам истории, то разве можно назвать случайным факт, что первые большие шаги в направлении цивилизации, например в Египте, Вавилоне и Перу, были сделаны при деспотических и теократических правлениях, когда высший правитель в качестве царя и бога требовал от своих подданных рабской преданности и получал ее. Не будет преувеличением сказать, что деспотизм в эту раннюю эпоху является другом человечности и, как это ни парадоксально, свободы. Ведь в конечном счете при самом абсолютном деспотизме, при самой мучительной тирании свободы в лучшем смысле слова, например свободы мыслить и решать собственную судьбу, больше, чем в свободной по видимости жизни дикарей, у которых личность от колыбели до могилы заключена в прокрустово ложе наследственного обычая¹⁷.

Занятие общественной магией – поскольку оно было одним из путей, которыми наиболее способные люди пришли к высшей власти, – внесло вклад в освобождение человечества от рабского подчинения традиции и привело его к более свободной жизни, к более широкому взгляду на мир. Услуга немалая. Магия проложила дорогу науке, поэтому мы вынуждены признать, что, хотя чернокнижие принесло много зла, оно вместе с тем стало и источником большого блага. Магия была дочерью заблуждения и одновременно – матерью свободы и истины.

¹⁷ Тезис о том, что первобытнообщинный строй был эпохой всеобщего рабства, всеобщего и абсолютного подчинения обычаям, защищается некоторыми советскими исследователями. См.: *Поршнев Б. Ф.* Социальная психология и история. М., 1979. С. 217–219.

Глава IV. Магия и религия

Примеров, приведенных в предыдущей главе, достаточно, чтобы проиллюстрировать общие принципы работы двух ответвлений симпатической магии: магии гомеопатической и магии контагиозной. В некоторых из приведенных примеров, как мы видели, предполагается вмешательство духов и предпринимается попытка завоевать их благосклонность с помощью молитвы и жертвоприношения. Но, в общем, такие случаи исключительны. В них магия выступает в сплаве с религией. Магия – там, где она встречается в чистом виде, – предполагает, что одно природное событие с необходимостью неизменно следует за другим без вмешательства духовного или личного агента. Фундаментальное допущение магии тождественно, таким образом, воззрению современной науки: в основе как магии, так и науки лежит твердая вера в порядок и единообразие природных явлений. У мага нет сомнения в том, что одни и те же причины всегда будут порождать одни и те же следствия, что свершение нужного обряда, сопровождаемое определенными заклинаниями, неизбежно приведет к желаемому результату, если только колдовство не будет сведено на нет более сильными чарами другого колдуна. Маг не упрощает высшую силу, не ищет благорасположения переменчивого и своевольного сверхъестественного существа, не унижается перед грозным божеством. Но власть его, сколь бы великой он ее ни считал, никоим образом не является властью произвольной и безграничной. Он располагает ею лишь постольку, поскольку строго следует правилам своего искусства или природным законам, как он их понимает. Пренебрегать этими правилами, преступать эти законы (пусть даже в самом малом) – значит навлекать на себя неудачу и даже подвергать крайней опасности свою жизнь. Если маг и претендует на верховную власть над природой, то это власть конституционная, ограниченная в своих полномочиях и осуществляемая в точном соответствии с древним обычаем. Так что аналогия между магическим и научным мировоззрением является обоснованной. В обоих случаях допускается, что последовательность событий совершенно определенная, повторяемая и подчиняется действию неизменных законов, проявление которых можно точно вычислить и предвидеть. Из хода природных процессов изгоняются изменчивость, непостоянство и случайность. Как магия, так и наука открывают перед тем, кто знает причины вещей и может прикоснуться к тайным пружинам, приводящим в движение огромный и сложный механизм природы, перспективы, кажущиеся безграничными. Отсюда та притягательность, которой обе обладали для человеческого ума, и тот мощный стимул, который они дали накоплению знаний. Через пустыню разочарований в настоящем они манят усталого исследователя вперед к бесконечным свершениям в будущем. Магия и наука как бы поднимают человека на вершину высокой-высокой горы, где за густыми облаками и туманами возникает видение небесного града, далекого, но сияющего неземным великолепием, утопающего в свете мечты.

Роковой порок магии заключается не в общем допущении законосообразной последовательности событий, а совершенно в неверном представлении о природе частных законов, которые этой последовательностью управляют. Если подвергнуть анализу немногие примеры симпатической магии, которые мы рассмотрели на предыдущих страницах, то, как я уже отметил, обнаружится, что они являются неправильными применениями одного из двух фундаментальных законов мышления, а именно ассоциации идей по сходству и ассоциации идей по смежности в пространстве и во времени. Гомеопатическую, или имитативную, магию вызывает к жизни ошибочное ассоциирование идей сходных, а магию контагиозную – ошибочное ассоциирование идей смежных. Сами по себе эти принципы ассоциации безупречны и абсолютно необходимы для функционирования человеческого интеллекта. Их правильное применение дает науку; их неправильное применение дает незаконнорожденную сестру науки – магию. Поэтому утверждать, что всякая магия по необходимости ложна и бесплодна, банально и едва

ли не тавтологично: ведь будь она истинной и эффективной, это была бы уже не магия, а наука. Человек был с самого раннего периода своей истории вовлечен в поиск общих принципов, с помощью которых можно обратить себе на пользу порядок природных явлений. В процессе многовекового исследования он накопил великое множество такого рода принципов, одни из которых являются эффективными, а другие – простым шлаком. Истинные принципы входят в состав прикладных наук, которые мы называем «искусствами»; магия же состоит из ложных принципов.

Итак, магия, как оказалось, близкая родственница науки. Остается выяснить, в каком отношении она находится к религии. В ответах на этот вопрос, несомненно, найдут отражение наши взгляды на природу религии. Поэтому от автора можно ожидать определения понятия религии до того, как он приступит к исследованию ее отношения к магии. Нет такого предмета, в отношении которого мнения расходились бы так сильно, как в отношении природы религии. Невозможно дать определение религии, которое удовлетворило бы всех. Автор может лишь, во-первых, выразить, что он понимает под религией, и, во-вторых, во всей работе последовательно употреблять этот термин в указанном смысле. Так вот, под религией я понимаю умилоствление и умиротворение сил, стоящих выше человека, сил, которые, как считается, направляют и контролируют ход природных явлений и человеческой жизни. Религия в таком понимании состоит из теоретического и практического элементов, а именно из веры в существование высших сил и из стремления умилоствить их и угодить им. На первом месте, конечно, стоит вера, потому что, прежде чем угождать божеству, надо верить в его существование. Но если религия не ведет к религиозному образу действий, это уже не религия, а просто теология, так как, по выражению святого Иакова, «одна вера без дел мертва». Другими словами, тот, кто не руководствуется хоть в какой-то мере в своем поведении страхом перед богом или любовью к нему, тот не религиозен. С другой стороны, нельзя назвать религиозным поведение, не подкрепленное религиозной верой. Два человека могут вести себя одинаково, и тем не менее один из них будет человеком религиозным, а другой – нет. Если человек действует из любви к богу или из страха перед ним, он религиозен. Если же он действует из любви или страха перед человеком, он является человеком моральным или аморальным в зависимости от того, согласуется его поведение с общим благом или находится в противоречии с ним. Поэтому верование и действие или, говоря языком теологии, вера и «дела» равно важны для религии, которая не может существовать без того и другого. Но не обязательно и не всегда религиозное действие принимает форму ритуала, то есть состоит в произнесении молитв, совершении жертвоприношений и других внешних обрядовых действий. Цель их – угодить божеству. Но если божество, по мнению его приверженцев, находит удовольствие в милосердии, прощении и чистоте, а не в кровавых жертвах, пении гимнов и курении фимиама, то угодить ему лучше всего можно, не простираясь перед ним ниц, не воспевая хвалы и не наполняя храмы дорогими приношениями, а исполнившись чистотой, милосердием и состраданием к людям. Ведь, поступая таким образом, они подражают, насколько позволяет им их человеческая слабость, совершенству божественной природы. Такова этическая сторона религии, которую неустанно внедряли иудейские пророки, вдохновленные благородными идеалами божественной святости и доброты. Например, пророк Михей восклицает: «О человек! сказано тебе, что – добро и чего требует от тебя Господь: действовать справедливо, любить дела милосердия и смиренномудренно ходить пред Богом твоим» (Мих. 6: 8). И в позднейшие времена христианство черпало силу, с помощью которой оно завоевало мир, из того же высокого представления о моральной природе бога и возложенной на людей обязанности сообразоваться с ней. «Чистое и непорочное благочестие пред Богом и Отцем, – говорит святой Иаков, – есть то, чтобы призирать сирот и вдов в их скорбях и хранить себя неоскверненным от мира» (Иак. 1: 27).

Но если в религии заложена, во-первых, вера в существование сверхъестественных существ, во-вторых, стремление снискать их благосклонность, это предполагает, что ход при-

родных событий в какой-то мере эластичен и изменчив и что можно уговорить или побудить всемогущие сверхъестественные существа для нашей пользы вывести его из русла, в котором он обычно протекает. Предположение об эластичности и изменяемости природы прямо противоречит принципам магии и науки, которые считают, что природные процессы жестки и неизменны в своем течении, поэтому их невозможно вывести из своего русла ни уговорами и мольбами, ни угрозами и запугиванием. Различие между этими двумя соперничающими мировоззрениями зависит от ответа на следующий принципиально важный вопрос: носят ли управляющие миром силы сознательный и личный или бессознательный и безличный характер? Стремясь к умиротворению сверхъестественных сил, религия признает за богами сознательный и личный характер. Всякое умиротворение подразумевает, что умиротворяемое существо является сознательным и личным, что его поведение несет в себе какую-то долю неопределенности и что рассудительным обращением к его интересам, склонностям и эмоциям его можно убедить изменить свое поведение. Умиротворение никогда не применяется к вещам, которые считаются неодушевленными, и к лицам, поведение которых в конкретных обстоятельствах известно с абсолютной точностью. Так что религия – поскольку она предполагает, что миром управляют сознательные агенты, которых можно отвлечь от их намерений путем убеждения, фундаментально противоположна магии и науке. Для последних само собой разумеется, что ход природных процессов определяют не страсти или причуды личных сверхъестественных существ, а действие неизменных механических законов. Правда, в магии это допущение содержится имплицитно, зато наука его эксплицирует. Магия часто имеет дело с духами, то есть с личными агентами, что роднит ее с религией. Но магия обращается с ними точно так же, как она обращается с неодушевленными силами, то есть, вместо того чтобы, подобно религии, умиловать и умиротворять их, она их принуждает и заставляет. Магия исходит из предположения, что все личные существа, будь они людьми или богами, в конечном итоге подчинены безличным силам, которые контролируют все, но из которых тем не менее может извлечь выгоду тот, кто знает, как ими манипулировать с помощью обрядов и колдовских чар. Например, в Древнем Египте колдуны считали, что они могут принуждать даже высших богов выполнять их приказания, и в случае неповиновения грозили им гибелью. Иногда колдун, не доходя до таких крайностей, заявлял в подобных случаях, что разбросает на все четыре стороны кости Осириса или, если тот будет упрямым, разгласит посвященный ему священный миф. В Индии до настоящего времени великая троица индуизма – Брахма, Вишну и Шива – «подчиняется» брахманам, которые с помощью своих чар оказывают на самые могучие божества такое воздействие, что те вынуждены на небе и на земле смиренно выполнять приказания, которые их хозяевам-колдунам заблагорассудится отдать. В Индии имеет хождение поговорка: «Весь мир подчинен богам; боги подчинены чарам (мантрам); а чары – брахманам; поэтому брахманы – наши боги».

Радикальной противоположностью магии и религии объясняется та непреклонная враждебность, с которой священнослужители на всем протяжении истории относились к колдунам. Священника не могла не возмущать высокомерная самонадеянность колдуна, его надменность в отношении к высшим силам, бесстыдное притязание на обладание равной с ними властью. Жрецу какого-либо бога с его благоговейным ощущением божественного величия и смиренным преклонением перед ним такие притязания должны были казаться неблагочестивой, богохульной узурпацией прерогатив, принадлежащих одному Богу. Иногда обострению этой враждебности способствовали более низменные побуждения. Жрец провозглашал себя единственным подлинным заступником и истинным посредником между богом и человеком, и его интересы, равно как и чувства, часто шли вразрез с интересами соперника, который проповедовал более верную и гладкую дорогу к счастью, нежели тернистый и скользкий путь снисхождения божественной милости.

Но этот антагонизм, каким бы привычным он нам ни казался, по-видимому, появляется на сравнительно поздней стадии религии. На более ранних стадиях функции колдуна и священника часто сочетались или, вернее, не разделялись. Человек добивался благосклонности богов и духов с помощью молитв и жертвоприношений и одновременно с этим прибегал к чарам и заклинаниям, которые могли возыметь желаемое действие сами по себе, без помощи бога или дьявола. Короче говоря, человек совершал религиозные и магические обряды, произносил молитвы и заклинания на едином дыхании, при этом он не обращал внимания на теоретическую непоследовательность своего поведения, если всеми правдами и неправдами умудрялся достичь желаемого. С примерами такого слияния или смешения магии и религии мы уже сталкивались у меланезийцев и других народностей.

У народов, поднявшихся на более высокую ступень культуры, смешение магии и религии сохранилось в качестве пережитка. Оно наблюдалось в Древней Индии и Древнем Египте и поныне еще встречается в среде европейского крестьянства. Один выдающийся специалист по санскриту сообщает, «что в самый ранний период, о котором у нас имеются подробные сведения, обряд жертвоприношения изобилует приемами, от которых веет дыханием самой примитивной магии». Говоря о роли магии на Востоке, особенно в Египте, профессор Масперо отмечает, что «нам не следует связывать со словом «магия» тот уничижительный смысл, который почти неизбежно всплывает в уме современного человека. Древняя магия лежала в основании самой религии. Верующему, если он желал добиться расположения бога, ничего другого не оставалось, как прибрать его к рукам с помощью обрядов, жертвоприношений, молитв и песнопений, которые открыл ему сам бог и которыми этого последнего принуждают сделать то, что от него требуется».

В необразованных слоях современной Европы продолжают оставаться в силе различные формы смешения магии и религии. Так, согласно одному сообщению, во Франции большинство крестьян продолжает верить в то, что священник обладает тайной и неодолимой властью над природными стихиями. В случае крайней опасности посредством прочтения молитв, которые знает и имеет право произносить он один, но за произнесение которых он впоследствии должен будет просить отпущение грехов, он может на время приостановить или обратить вспять действие вечных законов природы. Его воле подчиняются будто бы ветры, бури, град и дождь. Подвластна ему и стихия огня: по одному его слову угасает пламя. Французские крестьяне были убеждены (а может быть, убеждены и поныне) в том, что с помощью особых обрядов священники могут отслужить Святому Духу обедню, которая оказывает на волю бога столь чудесное воздействие, что никогда не встречает противодействия с его стороны: бог вынужден пожаловать все, что от него требуют, сколь бы назойливым и опрометчивым ни было это требование. Люди, которые в крайних жизненных ситуациях пытались с помощью такого рода обрядов взять штурмом царство небесное, не считали, что ведут себя непочтительно или неблагочестиво. Белое духовенство, как правило, отказывалось служить обедню Святому Духу, но о монахах, особенно о капуцинах, шла слава, что они уступают мольбам страждущих и несчастных с меньшими угрызениями совести. Способность принудить к чему-либо божество, которую крестьянство в католических странах приписывает священникам, является, по всей видимости, точным слепком с той способности, которую приписывали своим колдунам древние египтяне.

Приведем другой пример. Во многих деревнях Прованса бытует поверье, что священник обладает способностью отвращать бури. Такая слава утверждается не за всяким священником, так что, когда в деревне сменяется пастор, прихожане жаждут узнать, обладает ли новый священник этой способностью. Они подвергают его испытанию при первых признаках сильной бури: заставляют заклинать грозовые тучи, и, если результат оправдывает ожидание, новому священнику обеспечены симпатия и уважение паствы. В приходах, где репутация помощника приходского священника стояла в этом отношении выше репутации самого священника, и

отношения между ними вследствие этого становились чрезвычайно натянутыми, епископ иногда был вынужден перевести священника в другой приход. Басконские крестьяне также верят, что, для того чтобы отомстить своим врагам, злые люди иногда склоняют священника отслужить обедню, называемую обедней святого Секария. Знают эту обедню очень немногие, и три четверти из них ни за что на свете не согласились бы ее отслужить. Только недобрый священник отважится исполнить этот отвратительный обряд, и можете быть уверены, что на Страшном суде он дорого за это заплатит. Викарий, епископ и даже архиепископ города Оша не имеет права отпустить такой грех. Одному лишь папе римскому принадлежит это право. Служить обедню святого Секария можно только в разрушенной и запущенной церкви, где ухают ко всему безучастные совы, где в сумерках бесшумно летают летучие мыши, где по ночам оставались на ночлег цыгане и где под оскверненным алтарем притаились жабы. Сюда-то и приходит ночью недобрый священник со своей возлюбленной. Ровно в одиннадцать часов он начинает задом наперед бормотать обедню и заканчивает ее, как только часы зловеще пробьют полночь. Священнику помогает его возлюбленная. Гостья, которую он благословляет, черна и имеет форму треугольника. Вместо того чтобы причаститься освященным вином, он пьет воду из колодца, в который было брошено тело некрещеного младенца. Знак креста он чертит на земле, и притом левой ногой. Делает он также много других вещей, на которые ни один добрый христианин не мог бы даже взглянуть без того, чтобы его до конца жизни не поразила слепота, глухота и немота. А тот, по чьей душе отслужили такую обедню, мало-помалу усыхает. Никто не может сказать, что с ним. Врачи и те ничего не могут понять. Им и невдомек, что его медленно губит обедня святого Секария.

Слияние и соединение магии и религии в разные эпохи встречается у многих народов. Но есть основания полагать, что такое слияние не является изначальным и что было время, когда в удовлетворении желаний, которые выходят за пределы непосредственных животных вожделений, человек полагался единственно на магию. Во-первых, к предположению, что в истории человечества магия древнее религии, нас может склонить рассмотрение самых фундаментальных понятий магии и религии. Мы убедились, что магия является не более как ошибочным применением простейших интеллектуальных операций, а именно ассоциации идей по сходству и ассоциации идей по смежности. Религия же за видимой завесой природы предполагает действие стоящих над человеком сознательных или личных сил. Допущение личных агентов, очевидно, сложнее, чем простое признание сходства или смежности идей, а теория, ставящая ход природных явлений в зависимость от сознательно действующих сил, труднее для понимания. Для ее постижения требуется куда более высокий интеллектуальный уровень, чем для понимания того, что события и предметы следуют друг за другом по причине смежности или сходства. Даже животные ассоциируют идеи предметов, которые похожи друг на друга или встречались рядом друг с другом в их опыте. В противном случае они не прожили бы и дня. Но кто решится приписать животным веру в то, что природные явления находятся во власти множества невидимых животных или одного огромного, необычайно сильного животного, находящегося вне пределов видимого мира? Мы не будем, вероятно, несправедливы по отношению к бессловесным тварям, если оставим честь изобретения религиозной доктрины за человеческим разумом. Если магия выводится непосредственно из элементарных процессов мышления и является, по существу, ошибкой, в которую человеческий ум впадает почти спонтанно, то религия покоится на понятиях, которые едва ли по плечу интеллекту животного. На этом основании можно предположить, что в эволюции человеческого рода магия возникла раньше религии; что человек стремился подчинить природу своим желаниям силою чар и заклинаний до того, как стал предпринимать попытки задобрить и смягчить замкнутое, капризное и гневное божество нежной, вкрадчивой молитвой и жертвоприношениями.

Вывод, к которому мы пришли дедуктивным путем, рассматривая фундаментальные идеи магии и религии, находит индуктивное подтверждение: например, аборигены Австралии,

которые являются наиболее отсталыми из всех известных нам племен дикарей, повсеместно прибегают к магии, тогда как религия в смысле умилоствления и умиротворения высших сил им, по-видимому, почти неизвестна. Проще говоря, каждый австралиец является магом, и ни один из них не является жрецом, каждый воображает, что с помощью симпатической магии он может оказать влияние на своих соплеменников и на протекание природных процессов, но никто и не помышляет об умиротворении богов путем молитвы и жертвоприношений.

Если в этом наиболее отсталом из человеческих обществ мы обнаруживаем столь явное использование магии при полном отсутствии религии, то не логично ли предположить, что в какой-то период своей истории все цивилизованные народы мира прошли через подобную стадию интеллектуального развития, что они также пытались принудить великие стихии природы выполнять свои желания, прежде чем подумали о снискании их милости через приношения и молитвы? Короче говоря, не прошло ли все человечество через эпоху магии, подобно тому как в области материальной культуры оно прошло через каменный век? Есть веские основания для положительного ответа на этот вопрос. Обозревая зону обитания человечества от Гренландии до Огненной Земли и от Шотландии до Сингапура, мы замечаем, что религиозные воззрения разделяют не только народы и расы. Они оказывают свое воздействие на людей и на уровне более мелких социальных единиц, например на уровне государств и республик. Мало того, они расщепляют города, селения и даже семьи. Поверхность всех обществ мира изборождена и подточена расщелинами и зияющими трещинами, которые образовались под разлагающим влиянием религиозных распрей. Но если выйти за пределы различий религиозных систем, которые затрагивают в основном интеллигентную, мыслящую общественную прослойку, то мы обнаружим полную гармонию в вопросах веры среди глупых, слабых, невежественных и суеверных людей, которые, к сожалению, составляют огромное большинство человеческого рода... Этой поистине всеобщей, вселенской верой является вера в действенность магии. В то время как религиозные системы различны не только в разных странах, но и в одной стране в разные эпохи, симпатическая магия всегда и везде в своей теории и практике остается, по существу, одинаковой. У невежественных и суеверных прослоек современной Европы система магии во многом та же, что существовала тысячелетия назад в Индии и Египте и продолжает существовать у самых диких племен, сохранившихся до настоящего времени в отдаленных уголках мира. Если видеть критерий истинности в численном преобладании, то магия с куда большим правом, чем католическая церковь, может начертать на своем знамени девиз: «*Quod semper, quod ubique, quod ab omnibus*»¹⁸.

В нашу задачу не входит рассмотрение того, какое воздействие оказывает на будущее человечества наличие в жизни каждого общества глубинного пласта дикости, не затрагиваемого поверхностными изменениями религии и культуры. Проникнув в глубины магии, беспристрастный наблюдатель увидел бы в ней не что иное, как постоянную угрозу цивилизации. Мы, как видно, движемся по тонкой корке, которая может в любой момент треснуть под воздействием дремлющих подземных сил. Время от времени глухой рокот или неожиданно вырвавшийся на поверхность язык пламени указывают на то, что происходит под нашими ногами. Время от времени просвещенную часть человечества поражает заметка в газете, в которой рассказывается о том, что в Шотландии было найдено истыканное булавами чучело, изготовленное с целью убить несносного помещика или священника; что в Ирландии женщина была поджарена на медленном огне по обвинению в колдовстве; что в России ради изготовления свечей из человеческого жира, при свете которых воры надеются незаметно обдeldывать свои ночные делишки, была убита и разрезана на куски девочка, тело которой пошло на изготовление свечей. Возобладают ли те влияния, которые способствуют прогрессу, или те, которые угрожают разрушить все, что достигнуто? Окажется ли сильнее импульсивная энергия мень-

¹⁸ Всегда, везде, всеми [признается] (лат.).

шинства, влекущая человечество к новым вершинам, или мертвый груз предрассудков большинства, погружающий его во мрак? Вопросы эти входят в компетенцию мудреца, моралиста и государственного деятеля, чей орлиный взгляд пронзает будущее, а не в компетенцию скромного ученого, изучающего прошлое и настоящее человечества. Нас интересует другой вопрос: в какой мере единообразие, всеобщность и постоянство веры в магию, по сравнению с бесконечным разнообразием и текучестью религиозных учений, дает основание полагать, что первая представляет собой более грубую и раннюю фазу в развитии человеческого интеллекта, через которую на пути к религии и к науке прошли (или проходят) все расы?

Если предположить, что эпоха магии повсеместно предшествовала эпохе религии, то, естественно, подлежат исследованию причины, которые побудили человечество (или его часть) оставить теорию и практику магии и перейти к религии. Если взять в расчет количество, разнообразие и сложность подлежащих объяснению фактов и скудность наших сведений, то едва ли можно надеяться на совершенно удовлетворительное разрешение столь глубокой проблемы. Самое большее, чего можно достичь при нынешнем состоянии наших знаний, – это выдвигание более или менее правдоподобной гипотезы. Со всей надлежащей скромностью я бы предложил следующую гипотезу: признание присущей магии ложности и бесплодности побудило мыслящую часть человечества заняться поисками более истинной теории природных явлений и более плодотворного метода использования природных ресурсов. Со временем проницательные люди, должно быть, заметили, что в действительности магические обряды и заклинания не приносят результатов, на которые они рассчитаны. Великое открытие недейственности магических процедур произвело, вероятно, радикальный, хотя и медленный, переворот в умах тех, у кого достало сообразительности его сделать. Открытие это привело к тому, что люди впервые признали свою неспособность по собственному произволу манипулировать силами природы, которые до того времени считались полностью находящимися в их власти. Это было признанием своего невежества и слабости. Люди увидели, что принимали за причины то, что таковыми не являлось, поэтому все их старания действовать с помощью этих воображаемых причин оказались тщетными. Мучительный труд затрачивался даром, пытливая изобретательность расточалась бесцельно. Люди дергали нити, к которым ничего не было привязано. Им казалось, что они шли прямо к цели, тогда как в действительности они блуждали по кругу. Природные явления, которые люди с помощью магии старались вызвать, происходили, но совершалось это без вмешательства человека: дождь все так же падал на иссохшую почву, солнце все так же совершало свое дневное, а луна ночное круговращение, молчаливая процессия времен года все так же двигалась по земле в любую погоду. На свет по-прежнему рождались люди для трудов и страданий, и по-прежнему после короткого пребывания на земле они навечно уходили к праотцам в заоблачную обитель. Все шло своим обычным ходом, но для того, с чьих глаз спала пелена, это теперь выглядело иначе. Он не мог более тешить себя приятной иллюзией, что руководит движениями земли и неба, что, стоит ему убрать с рулевого колеса свою слабую руку, и светила прекратят свои великие круговращения. Он более не видел в смерти своих врагов или друзей доказательства неодолимой силы своих собственных или вражеских заклинаний. Теперь он знал, что как друзья, так и враги пали жертвами силы более могущественной, чем та, которой обладал он сам: они подчинялись судьбе, перед которой он бессилён.

Итак, наш примитивный философ, оторвавшийся от прежних якорных цепей, носимый по бурному морю сомнения и неопределенности, жестоко поколебленный в своей прежней вере в себя и свои силы, должно быть, был совершенно сбит с толку и выведен из равновесия, пока, подобно кораблю, который после бурного путешествия прибывает в тихую гавань, не остановился на новой системе веры и действия, разрешившей его тревожные сомнения и давшей замену (пусть непрочную) верховной власти над природой, от которой он был вынужден отречься. Если весь огромный мир продолжал идти своим ходом без помощи его и ему подобных, то происходило это, конечно, потому, что имелись другие существа, похожие на него,

но куда более могущественные, направлявшие, будучи сами невидимыми, течение природы и порождавшие разнообразные серии явлений, которые человек до сих пор ставил в зависимость от совершаемых им магических обрядов. Теперь он понял, что эти высшие существа заставляли дуть штормовой ветер, блистать молнию и гроыхать гром. Это они заложили основание земной тверди и положили пределы беспокойному морю. Это они заставили сиять славные небесные светила, дали пищу птицам небесным и добычу диким зверям пустыни, приказали плодородной земле рожать в изобилии, высоким холмам – одеться лесами, кипящим источникам – бить из-под скал в долинах, а зеленым пастбищам – раскинуться на берегах спокойных вод. Это они вдохнули в человека дыхание жизни и насылали на него голод, чуму и войны. Человек обращался теперь к этим могущественным существам, униженно прося в своей зависимости от их незримой силы, умоляя даровать ему всевозможные блага, защитить от опасностей, которыми со всех сторон окружена жизнь смертного, привести его бессмертный дух, освобожденный от телесного бремени, в счастливый мир, недостижимый для боли и тревог, в мир, где он мог бы навечно успокоиться в блаженстве и радости вместе с душами других благочестивых людей.

Можно предположить, что так, или примерно так, самые прозорливые из людей совершили великий переход от магии к религии. Но даже в них подобная перемена не могла произойти внезапно. Совершалась она, вероятно, очень постепенно и для своего более или менее полного завершения потребовала многих лет. Признание человеком того, что он бессилён оказывать существенное влияние на ход природных процессов, пришло, должно быть, постепенно: он не мог сразу, одним махом отказаться от своего воображаемого господства. Шаг за шагом освобождался человек от своей гордыни, пядь за пядью со вздохом сожаления сдавал свои позиции. То он признавал себя неспособным подчинить своей воле ветер, то дождь, то солнце, то гром. Природные стихии одна за другой выпадали из-под его влияния до тех пор, пока то, что когда-то казалось царством, не сжалось до размеров тюрьмы. Человек все более проникался чувством собственной беспомощности и сознанием могущества невидимых существ, которые его окружали. Религия начинается со слабого, частичного признания существования сверхличных существ, но с накоплением знаний человек приходит к признанию своей полной и абсолютной зависимости от божественного начала. Его в прошлом непринужденная манера держать себя с богом сменяется глубочайшей протрацией перед таинственными, невидимыми силами, и подчинение их воле становится величайшей добродетелью. *In la sua voluntate è nostra pace*¹⁹. Но это углубление религиозного чувства и прогрессирующее подчинение божественной воле во всех вопросах касается только людей высокого ума, чей кругозор достаточно широк, чтобы постичь громадность мира и незначительность места человека в нем. Люди же недалекого ума не в состоянии постичь великих идей: их слабому зрению ничто, кроме них самих, не представляется действительно великим и важным. Они вообще едва ли поднимаются до религиозных воззрений. Их, правда, обучают внешнему соблюдению религиозных предписаний и исповеданию религиозных учений, но в глубине души они цепляются за старые магические суеверия, которые религия может отвергать и осуждать, но искоренить которые она не властна, поскольку своими корнями они глубоко уходят в ментальную (психическую) структуру огромного большинства рода человеческого.

У читателя может возникнуть соблазн спросить: «Почему же умные люди не могли раньше обнаружить ошибочность магии? Как могли они продолжать питать иллюзии, которые неизменно приносили разочарование? Почему они упорно разыгрывали освященные веками пантомимы, бормотали торжественный вздор, который не приносил никакой пользы? Почему они цеплялись за верования, которые столь явно противоречили опыту? Как решались они повторять эксперименты, которые столь часто оканчивались неудачей?» Дело в том, что

¹⁹ Наше успокоение – в его воле (итал.).

ошибку здесь было далеко не так просто обнаружить, неудача ни в коем разе не была очевидной, потому что во многих случаях – возможно, даже в большинстве их – желаемое событие по истечении какого-то времени после совершения обряда, направленного на то, чтобы его вызвать, действительно наступало. Для понимания того, что его причиной не обязательно был обряд, требовался необычайно проницательный ум. За обрядом, с помощью которого хотели вызвать ветер или дождь или наслать смерть на врага, всегда рано или поздно следовало желаемое событие, и первобытного человека можно извинить за то, что он рассматривал это событие как прямой результат обряда и как лучшее доказательство его эффективности. Точно так же обряды, отправляемые утром, чтобы помочь солнцу взойти, и весной, чтобы разбудить дремлющую землю от зимнего сна, по крайней мере в зонах умеренного климата, будут неизбежно увенчиваться успехом. Ведь в этих зонах солнце каждое утро зажигает на востоке свой золотой светильник, а весенняя земля из года в год одевается богатым зеленым нарядом. Поэтому практичный дикарь с его консервативными инстинктами мог остаться глух к словам радикального философа, который позволил себе намекнуть на то, что в конце концов восход солнца и приход весны могут не быть прямыми следствиями пунктуального исполнения тех или иных ежедневных или ежегодных обрядов и что, возможно, деревья будут расцветать, а солнце всходить и без исполнения обрядов. Естественно, что эти скептические предположения были отвергнуты соплеменниками с негодованием и презрением, как пустые фантазии, губительные для веры и разительно противоречащие опыту. «Что может быть понятнее того, – отвечали ему, – что солнце зажигает в небе свой великий огонь, потому что я на земле зажигаю свечку за два пенса? А когда я весной надеваю свой зеленый наряд, как могут деревья не сделать того же?! Это всем известные факты, и на них я опираюсь. Я просто практик, а не ваш брат теоретик, ловец блох и резонер. Вероятно, теории и спекуляции – дело по-своему неплохое, и я не имею ни малейшего возражения против того, чтобы вы ему предавались. Но позвольте мне придерживаться фактов; тогда, по крайней мере, я буду знать, на каком я свете». Ошибочность этого рассуждения для нас очевидна потому, что оно построено на фактах, относительно ложности которых у нас давно нет никакого сомнения. Но если аргумент подобного рода выдвигается применительно к вопросам, находящимся в процессе обсуждения, то не станет ли английская аудитория аплодировать ему как здравому и не сочтет ли она его автора человеком осторожным, может быть, не блестящим и не эффективным, но абсолютно здравомыслящим и практичным. Если такие аргументы считаются здоровыми в нашем обществе, то стоит ли удивляться тому, что в течение долгого времени не удавалось обнаружить их ложность дикарю?

Глава V. Магический контроль над погодой

Колдун на службе общества

Читатель, вероятно, помнит, что в лабиринт магии нас привело рассмотрение двух типов человекобога. Эта нить направляла наши шаги и вывела нас наконец на возвышение, с которого мы можем, остановившись ненадолго, оглянуться на пройденный путь и увидеть перед собой длинную и крутую дорогу, по которой нам еще предстоит взбираться.

Из предшествующего следует, что можно различать два типа человекобога: религиозный и магический. В первом случае предполагается, что существо высшего порядка вселяется в человека на более или менее продолжительный срок и проявляет свою сверхъестественную мощь и мудрость путем совершения чудес и изречения пророчеств. К данному типу человекобога подходит название вдохновенного и воплощенного: человеческое тело здесь всего лишь хрупкий скудельный сосуд, наполненный бессмертным божественным духом. Во втором случае человекобог-маг есть не более как человек, но человек, обладающий необычайной силой. На обладание подобной силой в меньшем объеме претендует большинство его соплеменников. Ведь в примитивном обществе едва ли найдется хоть один человек, который на досуге не занимался бы магией. В то время как человекобоги первого, боговдохновенного типа черпают свою божественность от божества, которое снизошло до того, чтобы скрыть свое небесное сияние под унылым обликом земного праха, человекобог второго типа черпает свою необычайную силу из некой физической общности с природой. Он не является простым вместилищем божественного духа. Все существо его – и тело, и душа – столь тонко настроены на гармонию с природой, что прикосновение его руки или поворот головы заставляют вибрировать всю материальную структуру мира. И обратно, его божественный организм проявляет чувствительность к таким незначительным изменениям обстановки, которые совершенно никак не отразились бы на простом смертном. Но какую бы четкую разграничительную линию мы ни проводили в теории между двумя типами человекобогов, на практике она редко прослеживается со всей четкостью. В ходе дальнейшего изложения я не буду настаивать на этом пункте.

На практике искусство магии, как уже говорилось, может употребляться на благо либо индивидов, либо всего общества, и в зависимости от того, направлена ли она на достижение первой или второй цели, магия называется частной или общественной. Мы отметили далее, что маг, удовлетворяющий общественные потребности, занимает очень влиятельное положение в обществе, и если к тому же он человек расчетливый и способный, то может достичь ранга вождя или царя. Так анализ общественной магии приводит к пониманию ранних форм царской власти, ибо в диком и варварском обществе многие вожди и цари в огромной мере обязаны властью своей репутации как магов.

С точки зрения общества самым главным, на что следует употребить магию, является создание достаточного запаса пищи. Приведенные выше примеры показывают, что все добытчики пищи (охотники, рыбаки, земледельцы) прибегают к магии. Но они поступают здесь как частные лица для своей собственной пользы и на благо своих семей, а не как должностные лица в интересах всего народа. Другое дело, когда обряды исполняются не самими охотниками, рыболовами и земледельцами, а профессиональными колдунами от имени соплеменников. В примитивном обществе, где господствует однородность занятий и где разделение на профессиональные группы едва намечилось, каждый человек в большей или меньшей степени занимается магией в своих интересах и использует чары и заклинания на благо себе и во вред своим врагам. Великий шаг вперед был сделан тогда, когда колдуны выделились в особый класс, то есть когда они были отделены от остальных соплеменников для того, чтобы своим искусством – будь оно направлено на излечение болезней, предсказание будущего или на другую общественно значимую цель – приносить пользу всему обществу. Негодность средств, которые боль-

шинство из этих профессионалов употребляло для достижения своих целей, не должна умалять в наших глазах огромную значимость самого этого института. Значительная группа людей – по крайней мере на высшей ступени дикости – освободилась при этом от необходимости зарабатывать себе на жизнь тяжелым физическим трудом и получила возможность (и даже стимул) заняться исследованием тайн природы. Правом и одновременно обязанностью людей этой профессии было знать больше своих соплеменников, знакомиться со всем, что может помочь человеку в его изнурительной борьбе с природой, облегчить его страдания и продлить жизнь. Свойства лекарственных растений и минералов, причины выпадения осадков и засухи, грома и молнии, смена времен года, фазы луны, дневное и годичное обращение солнца, движение звезд, тайны жизни и смерти – вещи, вызвавшие изумление первых философов-магов и побудившие их искать решение проблем, которые, без сомнения, часто привлекали их внимание по причине настойчивых требований клиентов. Последние ожидали от них не только понимания, но и управления великими природными процессами на благо людей.

Такую цель поразить с первого выстрела, конечно, невозможно. Медленный, бесконечный процесс приближения к истине заключается в постоянном выдвижении и проверке гипотез. Те из них, которые соответствуют фактам, принимаются, а все остальные отвергаются. Нет сомнения, что представления о естественной причинности, которыми оперировал колдун, покажутся нам явно ложными и абсурдными, но в его время это были оправданные гипотезы, хотя они и не выдержали проверки опытом. Насмешки и порицание заслуженно выпадают не на долю тех, кто эти теории изобрел, а на долю тех, кто продолжал упорно придерживаться их после того, как были выдвинуты более оправданные гипотезы. В поисках истины у людей, конечно, никогда не было более сильных побудительных мотивов, чем у этих первобытных колдунов. Им абсолютно необходимо было создать хоть видимость знания: ведь одна-единственная ошибка, будучи обнаруженной, могла стоить им жизни. Это, несомненно, заставляло их прибегать к обману с целью скрыть собственное невежество, но в то же время это давало им мощнейший стимул заменять мнимое знание настоящим. Ведь если вы хотите создать у других впечатление, что вы что-то знаете, самое лучшее действительно знать это. Так что, как бы ни отвергали мы непомерные притязания магов и как бы ни осуждали их за то, что они вводили людей в заблуждение, образование этого класса в его первоначальном виде принесло человечеству неисчислимы блага. Колдуны явились прямыми предшественниками не только современных врачей и хирургов, но и современных исследователей и первооткрывателей во всех отраслях естественных наук. Они положили начало процессу, который привел их последователей в более поздние эпохи к столь славным и полезным открытиям. И если начало было скудным и малообещающим, то приписать это следует скорее неизбежным трудностям, которые возникают на пути познания, нежели природной неспособности или сознательному мошенничеству этих людей.

Управление дождем с помощью магии

Одной из главных задач общественной магии является управление погодой. В частности, она должна была обеспечивать достаточное количество осадков. Вода необходима для жизни. В большинстве регионов мира ее количество зависит от выпадения ливневых дождей. Без дождя увядает растительность, страдают и умирают люди. Поэтому в первобытных обществах вызыватель дождя являлся весьма важной фигурой. Чтобы регулировать поступление атмосферных осадков, имелся, как правило, особый разряд колдунов. Средства, с помощью которых колдун стремится выполнять свои профессиональные обязанности, обычно, хотя и не всегда, опираются на принципы гомеопатической, или имитативной, магии. Если он хочет вызвать дождь, то подражает ему разбрызгиванием воды или имитацией облаков; если же он ставит своей целью прекратить дождь и вызвать засуху, то, напротив, обходит воду стороной и прибегает к услугам огня для того, чтобы выпарить слишком обильные выделения влаги. Такого

рода ухищрения никоим образом не являются, как может показаться просвещенному читателю, достоянием одних лишь обитателей знойных пустынь Центральной Австралии, Восточной и Южной Африки, где часто месяцы подряд безжалостное солнце палит с голубого, безоблачного неба пересохшую, жаждущую землю. Они были и остаются достаточно обычным делом среди внешне цивилизованных народов и в более влажной европейской климатической зоне. Приведу примеры из области магии, общественной и частной.

Когда, например, в деревне около Дерпта (современный Тарту) испытывали необходимость в дожде, обычно трое мужчин взбирались на высокие ели в священной роще. Один из них в подражание грому бил молотком по котелку или небольшому бочонку; второй в подражание молнии высекал искры из горящих головней, а третий – его называли «вызыватель дождя» – разбрызгивал во все стороны воду из сосуда с помощью связки веток. Чтобы положить конец засухе и вызвать дождь, девушки и женщины из селения Плоска приходили ночью нагими к околице и лили там воду на землю. На большом острове к западу от Новой Гвинеи – его название Гальмагера, или Гилоло, – шаман вызывает дождь, разбрызгивая воду по земле веткой, сорванной с определенного вида дерева. Когда у индейцев племени омаха в Северной Америке посевы иссыхают от недостатка влаги, члены священного Общества буйвола наполняют водой большой сосуд и четырежды обходят вокруг него в танце. При этом один из них, набрав в рот воды, выпрыскивает ее в воздух, создавая, в подражание туману или моросящему дождю, тонкую водяную пыль. Затем он опрокидывает сосуд с водой на землю, после чего танцоры падают ниц и, вымазывая лица в грязи, выпивают воду. Наконец все они начинают распыскивать воду изо рта, создавая тонкий туман. Этот обряд, по их убеждению, способствует сохранению посевов. Весной индейцы племени натчез (Северная Америка) обычно делают складчину, чтобы купить у колдунов благоприятную погоду для своих посевов. Если была нужда в дожде, колдуны постились и танцевали, держа во рту наполненные водой трубки. В трубках были пробиты отверстия, как в лейках. Через эти отверстия вызыватель дождя выдувал воду в направлении той части неба, где собирались грозные облака. Если же, напротив, нужна была ясная погода, он поднимался на крышу хижины и, думая что есть мочи, размахивал руками, давая облакам знак, чтобы они проходили мимо. Туземцы Центрального Ангониленда²⁰ в случае, если дожди не выпадают вовремя, направляются к так называемому храму дождя. Прежде всего они очищают территорию вокруг храма от травы. Затем их руководитель наливает в горшок пиво и зарывает его в землю, приговаривая: «Господин Чаута, ты ожесточил против нас свое сердце. Чего ты хочешь от нас? Ведь мы гибнем. Вот, мы дали тебе пиво, а ты ниспошли своим детям дождь». Затем все участвуют в распитии оставшегося пива: отхлебнуть глоток дают даже детям. Далее все берут в руки ветки и танцами и песнями призывают дождь. В это время оставшаяся в деревне старуха выставляет в дверях хижины сосуд с водой. Возвратясь в деревню, участники церемонии макают в эту воду ветки и размахивают ими так, чтобы капли летели вверх как можно выше. После этого никто уже не сомневается, что ветер скоро пригонит тяжелые грозные облака. В этих действиях можно заметить сочетание религии и магии: если разбрызгивание воды ветвями есть чисто магический обряд, то молитва о дожде и поднесение пива Чауте являются религиозными ритуалами. У племени мара в Северной Австралии вызыватель дождя идет к заводи и распевает над ней магическую песнь. Потом, черпая воду руками, он пьет ее, а затем набирает в рот и выплевывает в разных направлениях. В заключение он обрызгивает себя водой с головы до ног, расплескивает ее вокруг и со спокойной совестью возвращается на стойбище. Считалось, что после этого дождь не заставит себя долго ждать. Арабский историк Макризи описывает обряд прекращения дождя, к которому, по рассказам, прибегали кочевники племени алкамар в Гадрамауте. Они срезали в пустыне ветвь определенного вида дерева, держали ее над огнем, пока она не загоралась, а затем обрызгивали водой. Считалось, что после

²⁰ То есть страны ангони (племя южных банту зулусской группы) – к западу от озера Ньяса.

этого дождь должен исчезнуть, как исчезала вода при падении на горящую ветку. Часть восточных ангамов из Манипура выполняет, как говорят, сходный обряд с противоположной целью, а именно для вызывания дождя. Глава деревни кладет горящую головню на могилу умершего от ожогов человека и, молясь о ниспослании дождя, гасит головню водой. Тушение огня водой, как имитация дождя, усиливается здесь воздействием мертвеца, который, приняв смерть от ожогов, естественно, очень желает выпадения дождя, чтобы охладить свое воспаленное тело и успокоить острую боль.

Кроме арабов огонь как средство прекращения дождя использовали и другие народы. Так, сулка из Новой Британии, раскалив докрасна на огне камни, выносят их на дождь или же подбрасывают в воздух горячую золу. Они полагают, что дождь вскоре после этого прекратится, потому что ему не нравится, когда его обжигают горячими камнями или золой. Туземцы телугу выпускают на дождь маленькую нагую девочку с горящей головешкой в руках. Эту головешку она должна показать дождю. Считается, что это заставит ливень прекратиться.

Во время сильной засухи люди племени диери (Центральная Австралия), громко оплакивая бедственное состояние своей страны и свое собственное полуголодное существование, взывают к духам своих отдаленных предков, которых они называют мура-мура, чтобы те даровали им силу вызвать обильный дождь. Они считают, что дождь зарождается в облаках от их обрядов и обрядов соседних племен под влиянием мура-мура. Диери вызывают дождь следующим образом. Вырывается яма примерно 4 метра в длину и 2–3 в ширину. Над ней из бревен и ветвей устраивается хижина конической формы. Влиятельные старейшины племени острым кремнем пускают кровь двум колдунам, которые, как считается, получили от мура-мура особое вдохновение. Кровь, стекающая с их локтей, попадает на их соплеменников, сгрудившихся в хижине. Одновременно с этим истекающие кровью колдуны пригоршнями разбрасывают вокруг себя пух, часть которого прилипает к обрызганным кровью телам людей, а другая кружится в воздухе. Считается, что кровь символизирует дождь, а пух – облака. Во время церемонии на середину хижины выкатывают два больших камня: они изображают собирающиеся облака и предвещают дождь. Затем те же колдуны относят камни на 16–24 километров и затаскивают их как можно выше на самое высокое дерево. В это время остальные мужчины собирают гипс, растирают его в порошок и бросают в яму с водой. Считается, что мура-мура видят это и незамедлительно побуждают облака появиться на небе. В заключение молодые и старые мужчины окружают хижину и, наклонив головы, как бараны, бодают ее. Это бодание продолжается до тех пор, пока хижина не обрушивается. Руками при этом пользоваться запрещено, но, когда остаются одни лишь тяжелые бревна, разрешается пустить в ход и руки. Протыкание хижины головами символизирует продырявливание облаков, а падение хижины – выпадение дождя. Очевидно также, что водружение двух камней, символизирующих облака, на вершины деревьев тоже представляет собой способ заставить появиться на небе действительные облака.

Диери воображают также, что способностью вызывать дождь в высшей степени обладает крайняя плоть, взятая у юношей при обрезании. Поэтому Великий совет племени всегда держит немного крайней плоти про запас. Ее тщательно скрывают, храня завернутой в перья вместе с жиром дикой собаки и коврой змеи. Женщинам ни в коем случае нельзя видеть этот сверток в раскрытом виде. По окончании церемонии крайняя плоть, исчерпавшая свою силу, зарывается в землю. После выпадения дождя несколько мужчин, юношей и мальчиков обязательно подвергаются хирургической операции, состоящей в срезании острым кремнем кожи с груди и рук. По ране хлопывают плоской палкой, чтобы вытекло побольше крови, а затем втирают в нее красную охру. От этого на теле вздуваются рубцы. В оправдание этих действий туземцы ссылаются на то, что они обрадовались дождю, а между шрамами и дождем существует связь. С виду операция не кажется очень болезненной, потому что претерпевающие ее пациенты смеются и шутят. Вокруг оперирующего толпятся маленькие дети, терпеливо ожидая своей очереди. После операции они убегают, выставляя свою маленькую грудь напоказ и

пением прося дождь ее окатить. Правда, на следующий день, когда воспаленные раны дают о себе знать, они уже не так радуются.

На острове Ява, когда нужен был дождь, двое мужчин принимались хлестать друг друга гибкими прутьями и продолжали это до тех пор, пока из их спин не начинала течь кровь: струящаяся кровь символизировала дождь, который теперь, как предполагалось, обязательно должен был пролиться на землю. Люди племени эггхиу, в одной из областей Абиссинии, чтобы вызвать дождь, каждый раз в январе вступали в кровавые схватки – друг с другом, деревня с деревней, – которые продолжались в течение целой недели. Позднее император Менелик запретил этот обычай. Этот запрет вызывал возмущение народа, когда в дожде ощущался недостаток. Император вынужден был уступить и разрешил возобновить кровопролитные схватки, но лишь в течение двух дней в году. Упомянувший об этом обычае автор видит в проливаемой в таких случаях крови умиловительную жертву духам, которые посылают дождь, но не исключено, что, подобно австралийским и яванским церемониям, это является имитацией дождя. По тому же принципу действовали, вероятно, пророки бога Ваала, которые, стремясь вызвать дождь, полосовали себя ножами до тех пор, пока из них не начинала хлестать кровь.

Широко распространено поверье, согласно которому магической властью над природой, особенно над дождем и вообще погодой, обладают близнецы. Это любопытное суеверие бытует у некоторых племен Британской Колумбии. Оно нередко побуждает индейцев налагать особые ограничения или табу на родителей близнецов, хотя точный смысл подобного рода табу, как правило, неясен. Так, индейцы-цимшианы верят, что близнецы имеют власть над погодой. Поэтому они обращаются к ветру и дождю со следующей молитвой: «Утихни ты, дыханье близнецов». Они считают также, что желания близнецов всегда исполняются. Поэтому близнецов боятся: ведь они могут навредить ненавистному им человеку. Цимшианы верят также, что близнецы способны вызывать лососей (рыбу-свечу), и в силу этого их называют «приносящие изобилие». По мнению индейцев квакиутль, близнецы – это перевоплотившиеся лососи. Поэтому им нельзя подходить к воде. В детском возрасте близнецы могут якобы движениями своих рук вызывать ветер, хорошую или плохую погоду, а также, размахивая большой деревянной трещоткой, излечивать болезни. Индейцы-нутка также верят, что близнецы имеют отношение к лососям. Поэтому близнецам запрещается ловить лососей, есть или просто держать в руках свежую рыбу. Разрисовывая лица черной краской, а затем смывая ее, что символизирует капающий с тяжелых облаков дождь, они могут делать плохую или хорошую погоду и вызывать дождь. Индейцы шусвап и индейцы реки Томпсон ассоциируют близнецов с медведем гризли, называя их молодыми гризли. Если верить им, близнецы на протяжении всей жизни одарены сверхъестественными способностями. В частности, могут будто бы управлять погодой.

В способность близнецов оказывать влияние на погоду верят также баронга-банту, населяющие берега бухты Делагоа в Юго-Восточной Африке. Они награждают родившую близнецов женщину именем Тило, что значит небо, а сами дети зовутся детьми неба. Когда бури, которые обычно разражаются в сентябре – октябре, медлят с приходом, когда стране угрожает засуха, предвестница голода, и природа, опаленная солнцем, которое шесть месяцев кряду сияло с безоблачного неба, томится по животворящим ливням африканской весны, женщины выполняют обряды, призванные ниспослать желанный дождь иссохшей земле. Они снимают с себя всю одежду, заменяя ее травяными поясами и головными повязками или короткими юбками из листьев ползучего растения. В таком одеянии они, испуская резкие крики и распевая непристойные песни, переходят от колодца к колодцу, очищая их от накопившейся грязи и нечистот. Их колодцы – это простые ямы, в которых застаивается немного мутной воды. Затем женщины направляются к дому одной из своих товарок, которая родила на свет двойню, и обрызгивают ее водой, принесенной в маленьких кувшинах. После этого они продолжают свой путь, выкрикивая разнузданные песни и исполняя неприличные танцы. Мужчинам нельзя смотреть на гулянья этих одетых в листья женщин. Если на их пути попадается мужчина,

то они бьют и прогоняют его. Закончив чистку колодцев, женщины должны полить водой могилы предков в священной роще. Часто, по приказанию колдуна, они поливают водой также и могилы близнецов. Считается, что могила близнецов всегда должна быть влажной, поэтому их обычно хоронят близ озера. Если все усилия вызвать дождь оказываются бесплодными, баронга вспоминают, что такой-то близнец похоронен на склоне холма в сухом месте. «Неудивительно, – говорит в таких случаях колдун, – что небо нещадно палит. Возьмите тело покойного и выroyте ему могилу на берегу озера». Приказание тут же выполняется, ибо иного средства вызвать дождь больше нет.

Некоторые из приведенных фактов подтверждают толкование профессором Ольденбергом²¹ правил, которые надлежит соблюдать брахману, если он желает выучить особый гимн из древнеиндийского собрания гимнов, известного под названием «Самаведы». Считается, что гимн этот, так называемая песнь Шаквари, воплощает в себе силу молнии – оружия Индры. Ввиду той страшной взрывоопасной силы, которой заряжен этот гимн, отважный брахман, предпринимавший попытку овладеть им, должен был порвать связь с людьми и удалиться из селения в лес. На период, который, по свидетельству различных авторитетов, колеблется от одного года до двенадцати лет, он был обязан соблюдать определенный распорядок жизни: трижды в день прикасаться к воде; носить черные одежды; есть пищу черного цвета; во время дождя не укрываться под крышу, а сидеть под дождем и повторять: «Вода есть песнь Шаквари»; при блеске молнии говорить: «Это похоже на песнь Шаквари»; а когда гремит гром, говорить: «Великий создает великий шум». Он не имел права перейти через поток, не прикоснувшись к воде, ступить на корабль, если жизнь его не была в опасности, и даже в этом случае он, поднимаясь на борт, должен был обязательно коснуться воды, «ибо сила песни Шаквари, как гласит поговорка, пребывает в воде». Когда ему наконец дозволялось выучить саму песнь, он должен был обмакнуть руки в сосуд с водой, в которой помещались растения всех видов. Если брахман выполнит все эти предписания, то по его желанию бог дождя Парджания будет ниспосылать дождь. Ясно, справедливо замечает профессор Ольденберг, что «все эти правила направлены на то, чтобы соединить воедино брахмана с водой, превратить его в союзника водных стихий и предохранить от их враждебности. Тот же смысл имеют черные одеяния и пища черного цвета. Нет сомнения, что их черный цвет символизирует дождевые облака. Поэтому мы можем предположить, что идеи и предписания ведических школ содержат в своем составе магические действия, восходящие к самой отдаленной древности. Они предназначались для того, чтобы подготовить вызывателя дождя к выполнению своей функции и посвятить его в должность».

На тропическом острове Ява, где богатая растительность свидетельствует об изобилии осадков, ритуал вызова дождя встречается куда реже, чем ритуал его предотвращения. Когда яванец намеревается устроить большое пиршество в дождливое время года, он идет к ведающему погодой «специалисту» и просит его «подпереть тучи, которые могут надвинуться». Если тот соглашается употребить на это дело свои профессиональные способности, то после ухода просителя он начинает регулировать свое поведение при помощи определенных правил. Он должен соблюдать пост, не пить и не купаться; то небольшое, что он употребляет в пищу, должно быть сухим; ни в коем случае он не может прикасаться к воде. Со своей стороны устроитель пира и его слуги мужского и женского пола не должны в течение всего времени, пока длится пир, стирать белье и купаться; им надлежит также соблюдать строгое целомудрие. Колдун же усаживается на новой циновке в своей спальне и незадолго до начала пира шепчет перед небольшим светильником следующую молитву или заклинание: «Дедушка или бабушка Сре-кель (имя, по-видимому, выбрано наугад, иногда называются другие имена), вернись в свою страну, в свою страну Аккемат. Заставь замолчать свою бочку с водой, закрой ее хорошенько,

²¹ Ольденберг Герман (1854–1920) – немецкий филолог, специалист по санскриту.

чтобы ни одна капля не вытекла из нее». Во время молитвы колдун смотрит вверх и воскуряет благовония.

Равно и «метеоролог» племени тораджи, специализирующийся на прекращении дождя, до, во время и после исполнения своих профессиональных обязанностей принимает меры, чтобы не прикасаться к воде. Он не купается, ест пищу немытыми руками, пьет только пальмовое вино и, если ему случается переходить через поток, старается не ступать в воду. Приготовив себя к выполнению возложенной на него миссии, колдун приказывает построить в рисовом поле маленькую хижину. В этой хижине он поддерживает слабый огонь, который ни в коем случае не должен угаснуть. В огне он сжигает различные виды древесины, за которыми признается способность изгонять дождь. Он изо всех сил дует в том направлении, откуда надвигаются тучи, и держит при этом в руке связку листьев и коры, которые благодаря своим названиям, обозначающим что-то сухое и быстро испаряющееся, также считаются способными разгонять облака. Если тучи появляются в то время, когда колдун находится при исполнении своих обязанностей, он набирает полную пригоршню извести и сдувает ее в их направлении. Такое сухое вещество, как известь, очевидно, хорошо приспособлено для того, чтобы рассеивать пропитанные влагой облака. Если позже возникнет нужда в дожде, то стоит лишь ему залить водой огонь, и дождь тут же хлынет как из ведра.

Нетрудно заметить, что яванские и тораджские ритуалы, направленные на прекращение дождя, прямо противоположны индийским ритуалам, нацеленным на его вызов. Индийскому мудрецу предписывается регулярно, не считая особых случаев, трижды в день, прикасаться к воде. Яванским же и тораджским колдунам вообще запрещается к ней прикасаться. Брахман живет в лесу и даже во время дождя не имеет права уйти в укрытие. Яванцы и тораджи, напротив, живут в сухом доме или в хижине. Первый выражает свое родство с дождем тем, что принимает его на себя и почтительно говорит о нем. Вторые же зажигают лампу или огонь и прилагают максимум стараний к изгнанию дождя. Но действуют все они по одному принципу: подобно играющему ребенку, каждый из них отождествляет себя с явлением, которое желает вызвать. Следствие, согласно укоренившемуся исстари заблуждению, похоже на свою причину: вы хотите, чтобы было сыро, так будьте сырыми сами; вы хотите, чтобы было сухо, так будьте сами сухими.

Обряды вызывания дождя до настоящего времени отправляются в Юго-Восточной Европе. Они не только покоятся на том же логическом фундаменте, что и перечисленные выше церемонии, но и в деталях сходны с ритуалами, которые с теми же целями исполняют, например, баронга с бухты Делагоа. У фессалийских и македонских греков, когда засуха длилась долго, существовал обычай отправлять ко всем колодцам и источникам в округе процессию детей. Во главе процессии шла украшенная цветами девочка, которую ее спутники на каждой стоянке окропляли водой, распевая заклинания. Вот часть этой песни:

Перперия в свежей росе
Освежает в округе все;
И в лесах и взбираясь ввысь
Бодро богу в пути молись!
На равнины наши, на рожь
Пошли, господи, тихий дождь,
Чтоб плоды принесли поля,
Виноградом цвела земля,
Налились колосья зерном,
И богат стал народ кругом.

Сербы во время засухи раздевают догола маленькую девочку и с головы до ног одевают ее травой, растениями и цветами. Лицо ее также прячут под покрывалом из живой зелени. Ей дают имя Додола. В сопровождении девушек она идет по деревне. Процессия останавливается перед каждым домом. Додола не перестает кружиться в танце. Девушки образуют вокруг нее кольцо, напевая одну из песенок Додола, а хозяйка дома выливает на нее ведро воды. Вот как звучит одна из песен:

Мы по деревне идем,
А по небу бегут облака.
Мы идем быстрее,
И быстрее пошли облака.
Они обогнали нас и оросили
Свежестью хлеб и лозу.

Когда нужда в дожде возникает в селении Пуна в Индии, одного из местных мальчиков убирают листьями и называют «царем дождя». Он обходит по кругу все дома в деревне. Хозяйка и их жены окропляют «царя дождя» водой и одаривают участников процессии различной снедью. После обхода всех домов мальчики снимают с «царя дождя» его одеяние из листьев, а из подааний устраивают пир.

В некоторых областях Южной и Западной России в качестве средства, вызывающего дождь, применяется купание. Иногда после церковной службы прихожане валили священника прямо в рясе на землю и орошали его водой. В других случаях женщины гурьбой купаются одетыми в День святого Иоанна Крестителя, погружая в воду сделанную из веток, травы и растений фигурку этого святого. Когда нужда в дожде ощущалась в Курской области, женщины хватили прохожего чужака и бросали его в реку или окатывали с головы до ног водой. Позднее мы убедимся, что незнакомца нередко принимают за божество или за олицетворение какой-нибудь природной стихии. У армян магия вызывания дождя состоит в том, что в воду бросают жену священника. Арабы в Северной Африке в качестве средства против засухи бросают в источник человека (хочет он того или не хочет), славящегося своей святостью. В области Минагасса на севере острова Целебес (Сулавеси), чтобы вызвать дождь, купается сам жрец. Когда на Центральном Целебесе долгое время нет дождя и ростки риса начинают засыхать, жители многих деревень, в особенности молодежь, отправляются к ручью и с громкими криками обрызгивают друг друга или обливают струями из бамбуковых трубок. Иногда, хлопая руками по воде или положив на нее перевернутую тыкву и барабана по ней пальцами, они имитируют шлепанье дождевых капель.

Многие народы считают, что, распахивая землю или изображая пахоту, женщины способны вызывать дождь. Так, у пшавов и хевсуров на Кавказе имеется исполняемый во время засухи ритуал под названием «вспашка дождя». Девушки впрягаются в плуг и тащат его в реку до тех пор, пока вода не дойдет им до пояса. Так же поступают в подобных обстоятельствах армянские девушки и женщины. Старшая женщина или супруга священника надевает на себя рясу, а другие женщины, переодетые мужчинами, тащат под ее руководством плуг по воде против течения. Если засуха долго длилась в Грузии, достигших брачного возраста девушек запрягали парами в бычьи упряжки, священник брал в руки вожжи, и они пробирались через реки, лужи и топи, молясь, визжа, плача и смеясь. В одной местности в Трансильвании, когда земля трескается от засухи, несколько девушек раздеваются догола, затем под предводительством женщины старшего возраста, также нагой, выкрадывают борону и тащат ее через все поле к ручью. Достигнув ручья, они пускают борону вплавь, садятся на нее и в течение часа поддерживают в каждом ее углу по огоньку. После этого, оставив борону в воде, они возвращаются домой. К подобному же способу вызывания дождя прибегают и в некоторых частях

Индии: нагие женщины ночью волокут плуг по полю, в то время как мужчины стараются держаться от этой процессии подальше – их присутствие может якобы разрушить чары.

Иногда дождь вызывают при посредничестве покойника. В Новой Каледонии вызыватели дождя выкрашивают свои тела в черный цвет, вырывают останки покойника, уносят кости в пещеру, соединяют и подвешивают их над листьями таро. Кости поливают водой так, чтобы она стекала на листья. Туземцы верили, что душа покойного впитывает воду, превращает ее в дождь и низвергает на землю. В 1868 году в России продолжительная засуха, грозившая погубить урожай, побудила обитателей одной деревни в Таращанской волости выкопать тело раскольника, который умер в декабре предшествовавшего года. Часть крестьян колотила труп или то, что от него осталось, по голове со словами: «Дай нам дождь!», в то время как остальные лили на него воду через сито. Поливание водой через сито явно изображает здесь ливень и напоминает нам о том, как Стрепсиад²² в комедии Аристофана (ок. 445 – ок. 385 до н. э.) «Облака» представлял себе ниспослание дождя Зевсом. Чтобы вызвать дождь, тораджи нередко взывают к состраданию покойников. Так, в селении Калингооа имеется могила знаменитого вождя. Когда земля страдает от несвоевременно наступившей засухи, люди приходят на эту могилу, поливают ее водой и приговаривают: «Сжался над нами, дедушка! Если тебе угодно, чтобы в этом году у нас была пища, пошли нам дождь». После этого они подвешивают над могилой наполненный водой ствол бамбука. В его нижней части имеется небольшое отверстие, из которого по капле вытекает вода. До тех пор, пока дождь не оросит почву, ствол бамбука вновь и вновь наполняется водой. Как и в Новой Каледонии, магия смешана здесь с религией: обращение с молитвой к покойному вождю, носящее чисто религиозный характер, дополняется магической имитацией дождя у его могилы. Мы видели, что баронга с берегов бухты Делагоа используют в качестве дождевых чар орошение могил предков, особенно близнецов. У некоторых индейских племен бассейна реки Ориноко родственники покойного обычно через год после его похорон извлекают из земли его останки, сжигают их и рассеивают пепел по ветру. Считается, что пепел превращается в дождь, который покойник ниспосылает в награду за свое погребение. Китайцы убеждены, что, если тела людей не погребены, дождь причиняет их душам такое же беспокойство, как и живым людям, если их оставить в непогоду без крова. Поэтому несчастные души непогребенных делают все, что в их силах, чтобы не было дождя, и часто их усилия увенчиваются успехом. Ввиду этого китайские власти во время засухи, как правило, предавали земле иссохшие кости незахороненных мертвецов, чтобы положить конец бедственному положению и вызвать дождь.

Нередко в колдовских чарах, связанных с погодой, важную роль играют животные. Аборигены Северной Австралии, относящиеся к племени анула, ассоциируют с дождем птицу широкогорота (*Euristomos*) и называют ее дождевой птицей. Эта последняя является тотемом анула. Мужчины данного племени обладают якобы способностью вызывать дождь. Для этого они ловят змею и живьем бросают ее в определенный водоем. Спустя некоторое время змею оттуда вытаскивают, убивают и оставляют на берегу. Затем из стеблей травы изготавливают изогнутую в виде радуги плетенку и накрывают ею змею. Теперь остается лишь пропеть заклинание над змеей и имитацией радуги, чтобы дождь рано или поздно выпал. Аборигены объясняют свои действия тем, что именно на этом месте в очень давние времена широкорот жил в браке со змеей. Змея обитала в водоеме и вызывала дождь, выплевывая воду в небо до тех пор, пока не появлялась радуга и тучи и не начинался дождь. В разных частях острова Ява обычный способ вызывания дождя – купание одной или двух разнополых кошек, иногда животных сопровождает к воде процессия с музыкой. В самой Батавии время от времени можно видеть шествие детей с кошкой. Окунув животное в водоем, они затем отпускают его.

²² Стрепсиад – комический персонаж из названной комедии Аристофана. По его мнению, дождь бывает, когда Зевс молится на землю через решето.

Когда колдун племени вамбугве (Восточная Африка) желает вызвать дождь, он выводит на яркий солнечный свет и помещает на крыше общей хижины черную овцу и черного теленка. Затем он вспарывает животным животы и разбрасывает их внутренности во всех направлениях. После этого он наполняет сосуд водой со снадобьями. Если чары сработали, вода в сосуде закипает и начинается дождь. Напротив, если колдун желает предотвратить дождь, он удаляется внутрь хижины и там подогревает в тыквенной бутылке горный хрусталь. Люди вагого, для того чтобы вызвать дождь, приносят в жертву на могиле умерших предков черную птицу, черную овцу и черную корову. В сезон дождей вызыватель дождя носит черную одежду. В одном из районов Суматры, чтобы вызвать дождь, все женщины деревни идут к реке, едва прикрыв свою наготу. Заходят в нее и обрызгивают друг друга водой. Затем в реку кидают черную кошку и заставляют ее некоторое время поплавать, после чего, сопровождаемая градом брызг, кошка выбирается на берег. Во время засухи гаро (Ассам) на вершине очень высокой горы приносят в жертву черную козу. Во всех случаях составной частью чар является черный цвет, который и затемняет небо дождевыми тучами. Так, бечуаны сжигают вечером желудок быка в уверенности, что «черный дым соберет тучи и вызовет дождь». Обитатели острова Тимор жертвуют черную свинью богине земли, чтобы выпал дождь, белую или рыжую – богу солнца, чтобы сияло солнце. Когда апгонам нужен дождь, они приносят в жертву черного быка, а когда им нужна хорошая погода – белого. Если в одной из высокогорных областей Японии в течение долгого времени нет дождя, процессия деревенских жителей во главе со жрецом (жрец ведет с собой черную собаку) направляется к горному потоку. По прибытии на место они привязывают собаку к камню и расстреливают ее из ружей и луков. Забрызгав скалы кровью собаки, крестьяне бросают оружие на землю и начинают молиться божеству потока, дракону, о ниспослании дождя, который бы омыл оскверненное место. Обычай предписывал, чтобы цвет животного в таких случаях был черный (как символ желанных грозовых туч). Но если нужна хорошая погода, приносимое в жертву животное должно быть безукоризненно белого цвета.

Тесная связь лягушек и жаб с водой повсеместно создала им репутацию хранительниц дождя. Они часто фигурируют в чарах, цель которых вызвать дождь. Некоторые племена индейцев бассейна реки Ориноко считали жабу богиней-владычицей вод и по этой причине остерегались ее убивать. Известно, что во время засухи они сажали лягушек под горшок и били по нему прутом. Индейцы аймара изготавливали миниатюрные чучела лягушек и других водных животных и помещали их на вершинах холмов для привлечения дождя. Индейцы бассейна реки Томпсон и отдельные европейские народы полагают, что убить лягушку – значит вызвать дождь. С той же целью люди низших каст в центральных провинциях Индии привязывали лягушку к жезлу, покрытому зелеными листьями и ветками дерева ним, и таскали ее от одного дома к другому, распевая:

Ниспосли нам, лягушка, сокровище влаги!
Пусть пшеница и просо созревают в полях.

Капу, или редди, составляют многочисленную касту земледельцев и земельных собственников в провинции Мадрас. Когда подолгу не бывает дождя, женщины этой касты ловят лягушку и живьем привязывают ее к новой бамбуковой веялке. Они прикрывают веялку листьями маргозы и переходят с ней от дома к дому, распевая: «Госпожа лягушка должна искупаться. Дай ей, о бог, дождя, хоть немножко воды». В то время как женщины-капу поют эту песню, хозяйка дома поливает лягушку водой и дает ей подавание в уверенности, что вскоре после этого хлынет дождь.

Когда в отдельных случаях засуха длилась долго, народ вообще отбрасывал в сторону обычные магические фокусы с имитацией дождя. Он был слишком разгневан, чтобы тратить силы на молитвы и заклинания, и старался угрозами, проклятиями и даже грубой физической

силой вытребовать у сверхъестественного существа небесную воду. Например, если божество долгое время оставалось глухим к мольбам японских крестьян о дожде, то в конце концов те низвергали его изображение и с громкими проклятиями швыряли головой вперед в смердящее рисовое поле. «Повалйся немного здесь, – говорили они, – и посмотрим, как ты будешь чувствовать себя через несколько дней на палящем солнце, которое сжигает все живое на наших потрескавшихся полях». При подобных же обстоятельствах фелупы из Сенегамбии сбрасывают своих фетишей и тащат их по полям, проклиная до тех пор, пока не пойдет дождь.

Большими специалистами по части взятия приступом царства небесного являются китайцы. Когда они испытывают нужду в дожде, они изготовляют из бумаги или из дерева огромного дракона, изображающего бога дождя, и целой процессией таскают его повсюду. Если дождь и после этого не идет, мнимого дракона проклинаят и разрывают на куски. В других случаях китайцы угрожают богу и бьют его, если тот не дает дождя. Они публично смещают его с должности божества. Если же желанный дождь выпадет, то специальным императорским декретом бог возводится в более высокий ранг. В апреле 1888 года мандарины Кантона обратились к богу Лун Вану²³, умоляя положить конец непрекращающимся дождям, а когда тот остался глух к их просьбам, они на пять дней посадили его под арест. Это возымело благотворное действие. Дождь прекратился, и бог был выпущен на свободу. Во время засухи, случившейся за несколько лет до этого эпизода, то же божество заковали в цепи и целыми днями держали на солнце во дворе храма, чтобы оно могло на себе почувствовать настоящую нужду в дожде. Когда сиамцам необходим дождь, они также выставляют своих идолов на нещадно палящее солнце. Но если, напротив, им нужна сухая погода, они снимают крыши с храмов и оставляют таким образом идолов мокнуть под дождем. Они убеждены, что неудобства, которые при этом испытывают боги, побудят последних пойти навстречу желаниям верующих.

Эти «метеорологи» с Дальнего Востока могут вызвать улыбку у читателя. Но и в современной христианской Европе прибегали точно к таким же методам вызова дождя. В конце 1893 года над Сицилией из-за отсутствия дождей нависла страшная угроза гибели урожая. Каждый день солнце поднималось и заходило при совершенно безоблачном голубом небе. Сады Конка д'Оро, окружающие великолепным зеленым поясом Палермо, увядали. Надвигался голод. Народ был в большой тревоге. Самые испытанные методы вызывания дождя не приносили желаемого результата. По улицам и полям двигались процессии. Мужчины, женщины и дети, перебирая четки, целыми ночами лежали распростертыми перед иконами святых. Освященные свечи днем и ночью горели в церквях. На деревьях висели пальмовые ветки, освященные в Вербное воскресенье. В селении Солапарута, в соответствии с древним обычаем, сор, выметенный из церквей в Вербное воскресенье, был рассеян по полям. Все оказалось тщетным. Жители Никозии с обнаженными головами, босые носили по всему городу распятия и стегали друг друга железными прутами. Ничего не помогало. Даже великий святой, Франциск из Паоло, который ежегодно совершал чудо дождя, то ли не смог, то ли не захотел помочь людям. Обедни, вечерни, представления, иллюминации, фейерверки – ничто не трогало его. В конце концов крестьяне начали терять терпение. Большинство святых подверглось изгнанию. В Палермо жители выбросили святого Иосифа из церкви в сад, чтобы он самолично убедился, как обстоят дела, и поклялись оставить его на солнцепеке, пока не пойдет дождь. Других святых, как непослушных детей, повернули лицами к стене, с третьих сорвали их великолепные одеяния и изгнали далеко за пределы их приходов. Им угрожали, их грубо оскорбляли, окунали в лужи. В городе Кальтанисетта у архангела Михаила оторвали золотые крылья и заменили их картонными; с него сняли также пурпурную мантию и вырядили в тряпье. Еще хуже пришлось святому Анжело, покровителю Ликата. Его вообще раздели догола, всячески

²³ Лун Ван – буквально «князь-дракон» – древнекитайское божество, распоряжающееся водными источниками, дождем, плодородием.

оскорбляли, затем заковали в цепи и угрожали повесить или утопить. «Дождь или веревка?» – орала разъяренная толпа, потрясая кулаками перед ликом святого.

Иногда люди в подобных случаях апеллируют к милости богов. Когда солнце сжигает поля зулусов, один из них высматривает «небесную птицу», убивает ее и бросает в пруд. Небо в таком случае должно залиться слезами нежности к погибшей птице: «Оно плачет по ней дождем, испуская надгробные крики». В других случаях зулуска зарывает своих детей по шею в землю и, отойдя на некоторое расстояние, долго и мрачно завывает. Предполагается, что небо размякнет от жалости при виде такого зрелища. После этого женщина откапывает детей в уверенности, что дождь вот-вот начнется. Зулуски говорят, что так они обращаются к «небесному господину» с просьбой послать дождь. Если дождь начинается, они провозглашают: «Усондо разлился дождем». Во время засухи гуанчи из Тенерифа приводят на священную землю овец и отделяют ягнят от маток, чтобы жалостливое блеяние могло тронуть сердце бога. В Кумаоне дождь «останавливают» тем, что вливают горячее масло в левое ухо собаки. Животное воеет от боли, его завывания слышит Индра, и дождь из жалости к страданиям животного прекращается. Иногда тораджи пытаются заполучить дождь следующим способом. Они опускают в воду стебли определенных видов растений, приговаривая: «Иди и попроси дождь! Пока дождь не пойдет, я не посажу тебя в землю, и ты погибнешь». Они также подвешивают на веревочке к дереву пресноводных улиток и обращаются к ним с речью: «Идите и попросите дождь! Пока он не пойдет, я не пушу вас обратно в воду». Улитки плачут, богов разбирает жалость, и идет дождь. Правда, эти ритуалы носят скорее религиозный, нежели магический характер, так как заключают в себе мольбу к высшим силам.

Нередко встречается мнение, что камни обладают способностью вызывать дождь при условии, что их обмакивают в воду, обрызгивают водой и вообще обращаются с ними надлежащим образом. В одном селении на Самоа в доме тщательно хранится камень определенной формы. Это представитель бога дождя. Во время засухи процессия жрецов выносит его и погружает в источник. Вызыватель дождя племени та-татхи (Новый Южный Уэльс) отбивает кусок кварца и выплевывает его в небо. Остальную часть кристалла он заворачивает в перья эму, смачивает все это водой и заботливо прячет. Колдун племени керамин (также Новый Южный Уэльс) уединяется с той же целью в устье реки, окропляет там водой круглый плоский камень, а затем заворачивает и прячет его. У некоторых племен Северо-Западной Австралии вызыватель дождя отправляется на участок, специально отведенный для этой церемонии. Там он наваливает кучу камней или песка, кладет на ее вершину магический камень и, танцуя, ходит вокруг кучи, часами распевая заклинания, пока не свалится от крайнего переутомления. Тогда его место занимает помощник. Камень обрызгивают водой и разжигают вокруг огромные костры. Никто из посторонних не имеет права приближаться к священному месту во время этого мистического ритуала. Когда дождь хотят вызвать сулка из Новой Британии, они чернят камни золой, полученной от сжигания определенного вида плодов, и выставляют их на солнце вместе с некоторыми растениями и ветками. Затем несколько веток обмакивают в воду и с пением магических заклинаний придавливают их камнями. После этого дождь «должен пойти». В Манипуре, на высоком холме к востоку от столицы, находится камень, который народное воображение уподобляет зонтику. В случае нужды в дожде раджа приносит воду из ближайшего источника и опрыскивает ею этот камень. В Сагами (Япония) также есть камень, который, лишь стоит полить его водой, притягивает дождь. Когда дождь необходим племени вакондио в Центральной Африке, они посылают людей к вавамба, счастливым обладателям «дождевого камня», обитающим у подножия снежных гор. За приличное вознаграждение вавамба смачивают бесценный камень, смазывают его маслом и кладут в наполненный водой горшок. Считается, что после этого дождь не может не пойти. Апачи, обитатели засушливых пустынь Аризоны и Нью-Мехико, старались вызвать дождь тем, что приносили воду из

определенного источника и обрызгивали ею скалу на определенной высоте. Они верили, что вскоре после этого соберутся тучи и начнет капать дождь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.